ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ПРИХОДЪ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка

и въ западной Россіи до—XVII вѣка.

А. Папкова.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1897.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВ. П.
(35)

Библиотека ООН
Академия Наук СССР
353
37

Печатать дозволяется. Апрѣля 5 дня 1897 года.
Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*

Оттиски изъ № 2, 3 и 4 „Богословскаго Вѣстника“ за 1897 годъ.

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ПРИХОДЪ.

Краткій очеркъ церковно приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка, и въ западной Россіи—до XVII вѣка.

Изъ особенностей русской древне-приходской жизни возникла характерная форма общенія между православными людьми для цѣлей религіозно-церковныхъ, извѣстная подъ именемъ „церковнаго братства“ или „братчины“. Церковныя братства, сначала подъ названіемъ „медовыхъ братствъ“, развились, размножились и укрѣпились въ западной Россіи, а затѣмъ въ эпоху уніи совершенно самобытно преобразовались въ замѣчательные религіозно-просвѣтительные союзы, которые, какъ извѣстно, спасли въ этомъ краѣ православіе и русскую народность отъ порабощенія католичеству и польской власти. Въ восточной Россіи такими родственными по происхожденію учрежденіями явились „братчины“, или „братовщины“. Подъ этимъ названіемъ, обыкновенно въ узкомъ его значеніи, понимаются „складочные пиры“ прихожанъ въ дни храмовыхъ, или особо-чтимыхъ праздниковъ, но, какъ мы постараемся выяснить, подъ „братчиной“ надлежитъ разумѣть приходскую общину при церкви, устроенную по началу совѣсти для мѣстныхъ религіозно-церковныхъ цѣлей.

Въ „свободной“ общинѣ, въ этой основной формѣ русскаго народнаго быта, а равно въ тѣхъ началахъ, которыя сложены русскими людьми во взаимныя ихъ общественныя отношенія, слѣдуетъ искать источникъ, откуда были почерпнуты образцы для учрежденія всякаго рода добровольныхъ общественныхъ союзовъ, преслѣдовавшихъ различныя цѣли. Корни братскихъ церковныхъ союзовъ, по нашему край-

нему разумѣнію, лежатъ въ нѣдрахъ русскаго общественнаго быта, преобразовавшагося подъ вліяніемъ христіанства, и достигшаго довольно значительнаго нравственнаго уровня.

Отличительныя черты общиннаго устройства древней Руси.

Прослѣдить на протяженіи многовѣковой русской жизни за тѣмъ могущественнымъ и неотразимымъ вліяніемъ, которое оказывали самобытныя общинныя начала на разнообразныя проявленія народной дѣятельности, представить наглядно всю уравнительность, которую вносили эти начала во взаимныя отношенія разныхъ классовъ населенія по общественнымъ ихъ дѣламъ,—даже въ сельско-хозяйственную жизнь и въ отправленіе военной и сторожевой службы казацкихъ круговъ и становъ на дальнемъ Уралѣ или на Дону,—задача весьма трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важная, такъ какъ раскрытіе всѣхъ этихъ фактовъ и правильное ихъ освѣщеніе можетъ послужить къ выясненію основъ нашего народнаго характера и завѣтныхъ стремленій русскаго народа къ осуществленію своего историческаго призванія, къ своей „русской правдѣ“. Уже въ своихъ различныхъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ артеляхъ, которыя безспорно могутъ выставить своимъ девизомъ: „вѣрность и честность“, и которыя повсемѣстно и съ давнихъ поръ пріобрѣли довѣріе общества, народный умъ и совѣсть съумѣли выразить: какіе общественные идеалы имъ всего ближе къ сердцу.

Въ своихъ артельныхъ учрежденіяхъ русскіе люди достигли возможнаго уравненія правъ трудящагося класса и примиренія тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ и неправильностей, которыя замѣчаются въ человѣческомъ обществѣ повсюду и всегда; въ этихъ учрежденіяхъ личное начало и личная иниціатива, по добровольному соглашенію людей участвующихъ въ союзѣ, связана только на время, пока пребываніе въ немъ они находятъ для себя выгоднымъ; да къ тому же, находясь въ соединеніи, они не утрачиваютъ всей своей независимости. Посредствомъ артели личность, входящая въ составъ ея, неизмѣримо выигрываетъ въ своей силѣ и въ своемъ общественномъ значеніи; она выводится изъ апатіи и безжизненности; ей легче бороться съ монополіей и съ окружающими ее со всѣхъ сторонъ привиллегіями сильныхъ людей; она свободнѣе выдерживаетъ гнетъ ихъ капиталовъ. При развитіи этихъ союзныхъ началъ обще-

ственная атмосфера скорѣе очищается отъ всякихъ корыстныхъ вожделеній, а строй общественный-отъ лицъ торгующихъ личнымъ трудомъ рабочаго класса (подрядчиковъ, посредниковъ), процвѣтаніе которыхъ стоитъ въ прямой зависимости отъ отдаленности производящаго класса отъ потребителей, поставленныхъ въ необходимость пріобрѣтать нужные предметы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Мечта о равенствѣ между собою отдѣльныхъ членовъ человѣческаго общества является химерой, и подчасъ опасной химерой; стремленіе же къ равенству между отдѣльными союзами, хотя тоже, быть можетъ, еще мечта, но мечта всетаки осуществимая.

Выясненіе значенія общинныхъ началъ въ ходѣ развитія русской исторической жизни, по своей обширности и трудности, представляетъ собою такую задачу, которая выполнима лишь по частямъ. Мы попытаемся только прослѣдить за тѣмъ, какъ эти общинныя начала встрѣтились въ области религіозно-церковной съ другими высшими жизненными началами, именно съ началами вѣчными христіанскими, и какъ эти первыя, по характеру своему, оказались способными проникнуться этими послѣдними, освятиться ими и одухотвориться настолько, что, по возможности, сдѣлались въ свою очередь надежными проводниками въ жизнь христіанскихъ требованій.

Религіозно-общественные союзы въ эпоху языческую.

Еще во времена языческія славянскія племена проявляли въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, а также въ устройствѣ праздничныхъ церемоній, свойственныя ихъ характеру наклонности къ совокупной дѣятельности, къ общему праздничному веселью. Въ языческіе храмы (балтійскихъ славянъ) поступали вклады не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ народныхъ общинъ, и независимо отъ этихъ добровольныхъ случайныхъ пожертвованій, народъ облагался опредѣленною данью (десятина, божничье), а въ частности— промышленные и торговые классы. Кромѣ этой дани и приношеній, языческіе храмы владѣли собственными землями, и всѣ эти средства, а также остатки отъ обильныхъ жертвоприношеній, дозволяли удѣлять часть ихъ на дѣла благотворительныя. Сироты и всѣ бѣдные считались подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ и потому часть этихъ жертвъ, состоявшихъ обыкновенно изъ домашнихъ живот-

ныхъ и птицъ, раздавалась, по совершеніи обряда, бѣднымъ („убогимъ“, „божьякамъ“, „богцамъ“). Древніе писатели, сообщая о бытѣ славянъ, вообще замѣчали, что между ними мало было нищихъ. Заботиться о больныхъ и престарѣлыхъ, кормить ихъ и покоить, считалось у славянъ священнымъ долгомъ. Въ дни праздничные за религіозными обрядами и жертвоприношеніями шли всегда веселыя пиршества и имъ посвящался весь остатокъ дня; тутъ же, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, производилась торговля и судбище. Славяне (балтійскіе) привыкли справлять свои праздники при храмахъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, и собирались въ особыхъ пристройкахъ, сдѣланныхъ при нѣкоторыхъ храмахъ въ ихъ дворахъ, обнесенныхъ оградой. Напримѣръ, при Штетинскомъ храмѣ Триглава были построены,—не только для пировъ, но и для народныхъ совѣщаній, — особыя помѣщенія, имѣвшія столы, а кругомъ стѣнъ—сѣдалища и скамьи, сдѣланныя амфитеатромъ; во время пира сюда изъ храма приносились серебрянныя и золотыя чаши, буйволовы рога для питья, ножи и прочее. Эти пиршества носили священный, религіозный характеръ (на нихъ провозглашались торжественныя здравицы) и были, въ полномъ смыслѣ слова, общенароднымъ торжествомъ, и такъ какъ на эти праздники стекалось множество людей, мужчинъ и женщинъ, то издревле существовалъ обычай собирать потребныя для пиршества припасы путемъ складчины. Общественное пиршество сопровождалось пѣснями,— въ похвалу богамъ и богатырямъ, — музыкой (на гусляхъ, бубнахъ, смыкахъ, сопѣляхъ и мѣдныхъ рогахъ), а затѣмъ шли всевозможныя игры и потѣхи, состоявшія въ пляскѣ („хороводъ“, „коло“), въ переряживаніи, въ разныхъ представленіяхъ скомороховъ, въ кулачныхъ бояхъ и разгулахъ, особенно въ Ярриловы праздники.

Учрежденіе „прихода“ въ эпоху христіанскую.

Подъ вліяніемъ христіанства весь древній русскій бытъ долженъ былъ переродиться. Храмъ Божій, какъ домъ общей молитвы, притянулъ къ себѣ всѣ общественныя силы [1]); онъ создалъ „приходъ“, то есть такую морально-настроенную общественную единицу, крѣпче которой не можетъ быть

---

[1]) По старинному понятію: „церковь есть земное небо“. См. Востоковъ, Опис. Рум. муз. № CCXXI (кормчая), стр. 287.

среди человѣческаго общества, считающаго удовлетвореніе религіозно-церковныхъ потребностей самымъ насущнымъ своимъ дѣломъ. Христіанскіе интересы, сплотивъ „прихожанъ“ религіозною связью, поставили цѣль жизни каждаго человѣка, именно стремленіе его къ „общему благу“, еще выше и прочнѣе, и русскихъ общинниковъ, объединенныхъ чувствомъ земной справедливости, объединили чувствомъ братскимъ и сдѣлали ихъ „братьями“, или „братчиками“.

Построеніе церквей и монастырей „міромъ“.

Писатели, посвятившіе свои труды исторіи нашей православной церкви, поражены множествомъ церквей и монастырей, которые были выстроены повсемѣстно въ первые вѣка введенія христіанства на Руси. Достаточно сказать, что въ 1124 году, во время страшнаго пожара продолжавшагося два дня (23 и 24 Іюня) и истребившаго почти весь Кіевъ, сгорѣло въ немъ шесть сотъ церквей; въ 1134 году, когда погорѣла въ Новгородѣ торговая сторона отъ Плѣтничнаго, нынѣ Ѳеодоровскаго, ручья до Холма, нынѣ Славна, на этомъ небольшомъ пространствѣ сгорѣло десять церквей, а въ концѣ XV вѣка въ Новгородѣ числилось 80 церквей [1]). Въ Москвѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрявшихъ наблюденія одинъ другаго (въ томъ числѣ Олеарія), число всѣхъ церквей простиралось до двухъ тысячъ. Церкви строились въ городахъ, помѣстьяхъ, селахъ великими князьями и княгинями, боярами, высшимъ духовенствомъ, частными лицами и „міромъ“, то есть народомъ сообща [2]). Изъ числа этихъ послѣднихъ церквей особенный интересъ представляютъ такъ называемыя „обыденныя“ церкви. Такими церквами назывались тѣ, которыя были задуманы на мірской сходкѣ и построены народомъ въ одинъ день „по обѣту“, въ память

---

[1]) См. Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. муз. 1842 г., стр. 41, описаніе церквей Новгор. XV, или XVI вѣк.

[2]) Большинство церквей въ древности были деревянныя (по обилію лѣса) и незатѣйливой архитектуры. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви, или часовни; Костомаровъ, Очер. дом. жизни, стр. 7, 16, 50. Строили сельскіе храмы только двумя способами, по старинному выраженію: „клѣтцки“, въ видѣ большой клѣти, большаго зданія, молитвеннаго дома, или „вверхъ“, то есть въ формѣ теперешнихъ церквей съ шеей, трибунами и главами; Лешковъ, Рус. нар. и госуд., стр. 250. О постройкѣ церквей частными лицами см. напр. П. С. Л., (Нов. I), т. III, стр. 13, 18, 127.

побѣды, за избавленіе отъ общественныхъ бѣдствій, или въ отвращеніе несчастій (повальныхъ болѣзней, нашествія непріятелей и т. п.). Обыденныя церкви посвящались обыкновенно Спасителю, святымъ: Аѳанасію, Анастасіи, Прор. Иліи; иногда на вѣчѣ рѣшался жребіемъ вопросъ, какому святому посвятить церковь. Для такой постройки народомъ сообща привозилось дерево, — которое иногда изъ видовъ благочестія носилось на плечахъ,—затѣмъ срубалась церковь, освящалась и въ ней совершалась литургія съ молебномъ объ избавленіи отъ бѣдствія,—все въ тотъ же день. Въ нашихъ сѣверныхъ городскихъ приходахъ церкви иногда строились цѣлой улицей [1]), то есть сосѣдними домохозяевами („прихожанами-уличанами“) въ складчину („пометомъ“) [2]), или же на средства какого либо купеческаго кружка; а въ сельскихъ приходахъ (въ Новгородской области, въ Устюжскомъ и Холмогорскомъ краѣ, а также въ центральныхъ областяхъ Россіи) большая часть церквей была „мірскимъ строеніемъ“; такъ, въ Бѣлозерской писцовой (езовой) книгѣ 1585 года при описаніи церквей села Богословскаго прямо сказано (въ видѣ общаго правила) „а церкви ставятъ приходомъ“ [3]). Въ новыхъ деревняхъ сначала обыкновенно „поселенцами-складниками“ выстраивалась часовня и образовывался такъ называемый часовенный

---

[1]) Улицы часто носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, и на пересѣченіи улицъ ставились образа въ кіотахъ; Костомаровъ, Очер. дом. жиз., стр. 33. Подъ названіемъ „уличанъ“ часто понимались „прихожане“; см. Стоглав, изд. Православ. Собесѣд., Казань, 1862 г., стр. 176—177.

[2]) П. Знаменскій, въ ст. Приход. духов. на Руси, въ Прав. Обозр. 1866 г., Сент. стр. 17, замѣчаетъ: такъ какъ древніе города состояли изъ множества почти самостоятельныхъ общинъ, такъ что каждая улица составляла особую общину, то очень естественно, что церкви строились въ городахъ цѣлыми улицами; каждая изъ уличинскихъ общинъ заботилась о снабженіи себя особымъ храмомъ. Имѣя обширную автономію, улица стремилась получить и церковную, сдѣлаться самостоятельнымъ приходомъ. Это даетъ особый смыслъ частымъ извѣстіямъ лѣтописи: построена церковь на такой-то улицѣ. См. П. С. Л., т. Ш, Нов. I, стр. 18 (1 180 г.) „Срубиша церковь св. Іакова (въ Новгородѣ) на Добрыни улици“.

[3]) А. Ю., 230; о построеніи церквей міромъ см. Акт. Юрид., изд. Калачевымъ, стр. 698, Доп. къ Акт. Ист., т. Ш, № 8. Въ Сибири постройка церкви, выборъ къ ней священника, церковн. старосты—лежали на прихожанахъ; ibid. т. IV, 142.

приходъ, а такъ какъ въ старину церковная самостоятельность обусловливала гражданскую (что видно будетъ при обозрѣніи административнаго значенія древняго прихода), и всякая община поэтому старалась устроить у себя храмъ, то со временемъ эта часовня часто превращалась въ настоящую церковь. Постройка храма какъ бы ознаменовывала совершеннолѣтіе общины и прихода.

Тоже на сѣверѣ встрѣчалось весьма много монастырей, расположенныхъ на тяглыхъ (черныхъ) крестьянскихъ земляхъ и тянувшихъ, наряду съ черносошными крестьянами, во всякіе разрубы и разметы.—Эти монастыри возникали не только съ мірского согласія, но и поддерживались и расширялись всего болѣе при помощи „вкладчиковъ-крестьянъ, которые, заключая съ монастырскою братіею (старцами) особые „вкладные“ договоры, вносили свой вкладъ деньгами (или земельнымъ участкомъ) и обезпечивали себѣ безпрепятственный пріемъ въ монастырь, или же вѣчное поминовеніе послѣ смерти [1]). Это стремленіе православно-церковныхъ союзовъ устроить въ своемъ приходѣ монастырь, который призванъ былъ осуществлять еще высшую форму братской жизни на землѣ, указываетъ на сердечную религіозность русскихъ людей, и это стремленіе проявлялось не только среди населенія восточной и сѣверной Руси, но также и западной и югозападной Руси. Въ своихъ челобитьяхъ, которыя передавались царю, или архіерею, мірскими ходоками, благочестивые прихожане хлопотали о дозволеніи имъ построить монастырь въ виду того, что многіе „сверстные и увѣчные люди, а иные при смерти, постричися желаютъ“. Въ такомъ общинномъ или мірскомъ монастырѣ прихожане избирали настоятелей, и въ своихъ челобитьяхъ прямо сообщали, что они „излюбили въ строители монастыря постриженника старца такого-то“ [2]).

---

[1]) По тогдашнему выраженію: „строить душу“.

[2] А. А. Э. т. I, № 305, т. II, № 2 (крестьянскіе вклады); А. И., т. I, № 24; см. выраженіе „общіе, особные и мірскіе“ монастыри въ А. Ю., № 385 (грам. IV), № 389.

Такимъ образомъ, быть можетъ (замѣчаетъ проф. Суворовъ въ Кур. цер. права, т. I, стр. 184; также Голубинскій, Ист. рус. цер., т. I, ч 2, стр. 452 и слѣд.), образовывалась оригинальная форма монастырей-приходовъ, которые, съ одной стороны, представляли собою монастырскую об-

Отводъ прихожанами земельныхъ участковъ въ пользу церквей и монастырей, и содержаніе на приходскія средства церкви и причта.

Строя въ громадномъ количествѣ храмы и монастыри, наши великіе князья, епископы, а равно частныя лица и общества; приписывали имъ въ частную собственность большія земельныя угодья, которыя, принадлежа монастырямъ (необщиннымъ), въ большинствѣ случаевъ обѣлялись отъ государственныхъ податей и повинностей и освобождались отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ въ административномъ, судебномъ (кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій: душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ) и финансовомъ отношеніяхъ, а потому эти церковно-монастырскія земли охотнѣе засѣлялись крестьянами, платившими за ихъ пользованіе только оброкъ церквамъ и монастырямъ (т. е. ихъ прикащикамъ). Обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на приписку церквамъ земель со стороны крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, мы видимъ, преимущественно на сѣверѣ, гдѣ земельное положеніе крестьянъ было несравненно льготнѣе, нежели въ центральныхъ областяхъ, что эта приписка была явленіемъ совершенно заурядным. Въ древнихъ актахъ сохраняется много „духовныхъ и отказныхъ“ крестьянъ, по которымъ они передаютъ „на поминъ души“ свои земельные надѣлы во владѣніе и пользованіе церквамъ, монастырямъ или же причту [1]); а равно встрѣчаются акты купли-продажи, въ силу которыхъ мірское общество, въ лицѣ старостъ, пріобрѣтало на церковныя деньги (домовые: всесвятскіе, георгіевскіе, никольскіе) имѣнія для церкви („мірскихъ людей подаянье“), съ указаніемъ иногда въ актѣ, что деревня отдана „на воскъ, ладанъ и на всякое церковное строеніе“; кромѣ такихъ „братскихъ общихъ“ деревень, пріобрѣтались для церкви еще другія недвижимости и доходныя статьи, какъ то: амбары,

---

щину, сгруппировавшуюся около церкви, а съ другой — служили приходскою церковью для большаго или меньшаго количества прихожанъ. Въ такихъ монастыряхъ—приходахъ игуменъ былъ вмѣстѣ приходскимъ священникомъ и наоборотъ; но могло быть и такъ, что одновременно существовали при церкви и чернецы съ игуменомъ и бѣлое приходское духовенство.

[1]) Весьма любопытны списки съ старинныхъ купчихъ; закладныхъ, писанныхъ Двинянами въ XIV вѣкѣ. Они помѣщены у Востокова, Опис. рукоп. Рум. Муз., 1842 г., стр. 107 и слѣд. На стр. 108 (листъ 9) помѣщена слѣдующая запись: „Се купи Григорей староста св. Николи вдомъ.... лоукутъ земли на два пуза вниколини поли“.

лавки, винокурни, тони и прочее [1]). Обыкновенно при самомъ устроеніи на мірскія средства церкви или часовни, какъ въ городѣ, такъ и въ селѣ, подъ эту постройку широко отводилась земля, такъ, чтобы можно было устроить и кладбище, въ древности существовавшее даже при городскихъ церквахъ, а равно и помѣщеніе для причта и, какъ увидимъ ниже, также и для нищихъ.

Кромѣ выдѣла въ пользу монастырей и церквей земельныхъ имуществъ, великіе князья и цари обезпечивали церковный обиходъ и причты большинства построенныхъ въ городахъ церквей, а также и сооруженныхъ въ ихъ дворцовыхъ вотчинахъ, содержаніемъ (ругой) и эти церкви носили по преимуществу названіе „ружныхъ церквей“; тогда какъ содержаніе нѣкоторыхъ городскихъ церквей съ ихъ причтами, и большинства сельскихъ церквей, построенныхъ на крестьянскихъ земляхъ (тяглыхъ или государственныхъ, а также владѣльческихъ, отданныхъ крестьянамъ въ пользованіе) упадало на приходскую общину. Свѣдѣнія, заключающіяся въ древнихъ актахъ и писцовыхъ книгахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что помимо платы за требы, наши общества, какъ городскія, такъ и сельскія, упорядочивали эту статью расхода и принимали на себя обязанность содержать церкви и находящіеся при нихъ причты; съ этою цѣлью они въ большинствѣ случаевъ и дѣлали тѣ пріобрѣтенія земель, о которыхъ выше упомянуто. Независимо отъ сего, приходскія общины устанавливали денежные и натуральные оброки либо „съ двора“, либо „съ лошади“, и на эти средства снабжали свои приходскія церкви: воскомъ, ладономъ, виномъ церковнымъ, утварью, ризами, иконами, книгами, а ихъ причтъ — деньгами, хлѣбомъ, сѣномъ и прочими припасами.

Останавливаясь на выясненіи вопроса объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ и связанныхъ съ ними дѣлахъ христіанскаго благотворенія и милосердія, мы замѣтимъ, что наша Соборная Церковь, стоявшая всегда въ близкихъ от-

[1]) См. напр., писцовую и переписную книгу XVII вѣка по Нижнему Новгороду, изд. Арх. Ком. 1896 г., столбцы 218, 284: Нижегородской церкви св. чуд. Николая въ Луковомъ ряду принадлежали: шесть лавокъ, семь шалашей и мѣсто лавочное „а съ нихъ платятъ оброку Николскому попу на церковное строенье 24 руб. 16 алт. и 4 денги“.

ношеніяхъ къ народу, постоянно допускала это участіе въ широкихъ размѣрахъ и, что всего примѣчательнѣе, не дѣлила въ этомъ отношеніи мірянъ на классы съ предоставленіемъ высшему классу особыхъ правъ и преимуществъ, но равно почитала всѣхъ мірянъ сынами и членами общей матери-церкви.

Выборъ прихожанами причта.

Участіе великихъ князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось въ старину при избраніи епископовъ („кого князь восхощетъ и людіе“) и это право выбора сохранялось за народомъ во всей древней Руси, какъ восточной, такъ и западной, и въ отношеніи священно и церковнослужителей [1]). Забота объ избраніи причта была предоставлена прихожанамъ и это старинное право было укрѣплено за ними постановленіемъ Стоглаваго Собора 1553 тогда какъ въ ружныхъ церквахъ, то есть состоявшихъ на казенномъ иждивеніи, члены причта избирались княжескими или царскими дворецкими, намѣстниками и дьяками, чрезъ которыхъ и получали свою ругу [2]). Выбравъ на мірскомъ сходѣ священника, приходская община заключала съ нимъ „порядную запись“, въ которой опредѣлялись ихъ взаимныя обязанности; именно община обязывалась безъ вины не отставлять отъ церкви священника и, опредѣливъ ему содержаніе „по старинѣ“, требовала отъ него неупустительно отправлять церковныя службы въ праздничные и царскіе дни, не отлучаться изъ прихода безъ „мірскаго вѣ-

---

[1]) Въ Новгородѣ избраніе епископа совершалось „вѣчемъ“, причемъ кандидатомъ ставилось лицо „излюбленное“, не взирая на незначительность его духовнаго званія: напримѣръ, извѣстны владыки, бывшіе при избраніи простыми иноками или священниками, такъ напримѣръ архіепископы: Илья, Григорій, Спиридонъ, Антоній, Арсеній. См. объ избраніи епископа княземъ и народомъ П. С. Л., т. I, стр. 165, т. II, стр. 127. См. у Филарета Ист. рус. пер. 1849 г., ч. 1, стр. 182; Макарій, Ист. Рус. цер., т. III, стр. 206. Князья избирали епископовъ исключительно изъ иноковъ.

[2]) См. Стоглавъ, изд. Правосл. Собесѣд. 1862 г Казань, стр. 176 и 177. „По всѣмъ святымъ церквамъ въ митрополіи и въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ избираютъ прихожане священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ искусныхъ и грамоте гораздныхъ и житіемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и себѣ мзды не емлютъ ничего и приводятъ ихъ и приходятъ съ ними ко святителю“. Объ избраніи дворецкими, намѣстниками и дьяками (въ Псковѣ) поповъ къ ружнымъ церквамъ см. стр. 178.

дома“ и „ѣздить къ болящимъ и роженицамъ безпенно“ [1]); въ этихъ выборахъ принималъ участіе весь приходъ безъ различія сословій, то есть дворяне, дѣти боярскіе и крестьяне разныхъ помѣстій,—однимъ словомъ всѣ ходящіе въ церковь окрестные жители. Выбравъ священника, приходъ съ одобреніемъ отъ всего міра представлялъ своего кандидата къ архіерею для посвященія. Кромѣ священника міръ выбиралъ и другихъ членовъ причта и съ ними вступалъ въ договоръ, опредѣляя въ своихъ записяхъ постоянное и временное содержаніе по старинѣ, давая имъ также участокъ церковной земли и требуя за все это довольствіе ревностнаго исполненія принятыхъ обязанностей, дьячка же міръ обязывалъ нести и письменныя обязанности по волости, указывая ему; „въ письмѣ у всякаго Государева дѣла и у насъ мірскихъ людей всегда быть готову“. При этомъ приходъ требовалъ поручительства за избираемыхъ членовъ причта подъ страхомъ пени, если избранное лицо окажется негоднымъ. При этихъ выборахъ прихожане прежде всего обращали свое вниманіе на сыновей и ближайшихъ родственниковъ своихъ священно и церковно-служителей и обыкновенно выборъ падалъ на этихъ родныхъ, какъ на людей болѣе грамотныхъ и болѣе навычныхъ для занятія такихъ мѣстъ.

Положеніе духовенства въ приходѣ.

Положеніе духовенства въ приходѣ было въ старину почетное и вліятельное. Это положеніе оно пріобрѣтало, какъ своимъ образованіемъ и грамотностью, такъ и тѣсною связью своихъ интересовъ со всѣми интересами прихода. Еще изъ правила митрополита Кирилла, 1274 года, изъ поученій священнослужителямъ 1499 года, изъ постановленій Стоглаваго Собора, также изъ другихъ многихъ актовъ и сочиненій древняго времени извѣстно, что знаніе грамоты и священнаго писанія требовалось всегда и неизмѣнно отъ священниковъ. Въ правилѣ митрополита Кирилла было поставлено условіемъ для посвящаемыхъ во священники „аще грамотоу добрѣ свѣдять“; въ названномъ поученіи священнику давался совѣтъ: „почитай-же книгу часто, да имаше

---

[1]) „Къ церквѣ Божіѣ быть подвижну, что-бы церковь Божія не была безъ святаго пѣнія“,—какъ говорилось въ порядныхъ записяхъ. См. Ак. Юр. быта, т. I. № 7. II.

неразумныа научати". Розысканія проф. Соболевскаго, основанныя на изученіи письменныхъ актовъ XV—XVII вѣковъ, привели его къ заключенію, что бѣлые священники въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ были поголовно грамотны. Но высшая духовная власть не довольствовалась тѣмъ, чтобы духовенство было только грамотно, но требовала, чтобы священникъ былъ „отъ божественныхъ книгъ сказателенъ". Образованіе у священниковъ и знаніе грамоты у низшихъ членовъ клира, письменныхъ людей волости, предоставляло имъ большія преимущества въ приходѣ. Отцы духовные прикладывали руки въ актахъ за людей неграмотныхъ, призывавшихся къ суду въ свидѣтели и даже за должностныхъ лицъ, не умѣвшихъ писать. Священники скрѣпляли разные крѣпостные документы даже у лицъ великокняжескаго рода, и съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ властей участвовали въ судѣ, въ качествѣ членовъ при разборѣ разныхъ судныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ; наконецъ, приходскій клиръ участвовалъ и въ мірскихъ выборахъ земскихъ старостъ и судей. Но главной причиной выдающейся роли причта и въ особенности священника была та, что священно и церковно-служители въ старину были своими людьми въ приходѣ, сами происходили изъ народа, учились у тѣхъ же учителей, у которыхъ учились и другіе прихожане, и, не составляя замкнутой касты, жили одною жизнью и одними интересами съ приходомъ, принимали участіе во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ и получали отъ своего земства существенную защиту. Въ этой солидарности житейскаго обихода священника и прихожанъ и лежало основаніе всего вліянія духовенства въ приходѣ, какимъ оно въ прежнія времена пользовалось и которое оно во многомъ утратило съ того времени, какъ замкнулось въ особое сословіе, со своими спеціальными училищами, проникнутое узко-сословными интересами, все болѣе и болѣе отдалявшееся отъ земскихъ интересовъ и дѣлъ.

Построивъ на общія средства церковь (на которую прихожане смотрѣли какъ на свою собственность), имѣя такія важныя обязанности, какъ выборъ причта и обезпеченіе его содержаніемъ, а равно заботы объ обиходѣ церковномъ, наконецъ распоряжаясь совершенно самостоятельно и неза-

висимо отъ архіерейской власти всѣмъ имуществомъ церкви, въ особенности же церковными землями, приходская община, находившаяся въ такой тѣсной связи съ своимъ храмомъ, поставлена была, въ видахъ успѣшнаго самоуправленія, въ необходимость избирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, которыя, въ качествѣ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, завѣдывали всѣми этими дѣлами [1]).

Избраніе приходомъ церковнаго старосты, и его обязанности.

Въ самой глубокой древности мы находимъ при церковно-приходской общинѣ церковнаго старосту; слѣды существованія этой должности встрѣчаются въ древнѣйшемъ актѣ, именно въ извѣстной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила (1134—1135 г.), данной Новгородской церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ. Изъ этой грамоты видно, что этотъ благочестивый князь, обезпечивая средствами и содержаніемъ названную церковь и ея причтъ, поставилъ къ ней старостъ, выбранныхъ изъ прихожанъ разныхъ классовъ населенія (отъ купцовъ, среднихъ и простыхъ людей). Эти старосты должны были завѣдывать хозяйственными дѣлами этой церкви. Въ древней Псковской землѣ, по особому положенію ея церквей, снабженныхъ земельнымъ имуществомъ „господиномъ Псковомъ", церковные старосты хотя и не выбирались прихожанами, но исполняли тѣ же обязанности по завѣдыванію церковнымъ имуществомъ и хозяйствомъ, а также являлись представителями церковныхъ интересовъ на судѣ; они же, какъ видно изъ лѣтописей, принимали ревностное участіе въ поддержаніи и постройкѣ храмовъ [2]). Званіе церковнаго старосты принимали на себя знатнѣйшіе граждане города Пскова, его посадники, а высшіе іерархи церкви требовали отъ этихъ лицъ нравственныхъ качествъ и не допускали, — какъ выразился митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ въ Псковъ (23 Сентября 1427 года)— чтобы „старшинствовали въ церквахъ Божіихъ

---

1) Объ обязанности собирать церковные доходы „лучшимъ людямъ" прихода („которые къ той церкви прихожи") и о снабженіи церквей святыми иконами и книгами на эти доходы, см. Стоглавъ, изд. Правосл. Собесѣд. 1862 г., Казань, стр. 329: „о пустыхъ церквахъ, что стоятъ безъ пѣнія".

2) См. П. С. Л., IV, стр. 195. Посадники Романъ и Аристъ поставили новый крестъ (прежній сломанъ бурей) на церкви св. Троицы, 202 и др. О существованіи церковныхъ старостъ въ Сибири въ XVII вѣкѣ см. цар. грам. Енисейскому воеводѣ Уварову; Доп. къ Ак. Ист. III, № 8.

и завѣдывали церковными дѣлами люди не соблюдающіе присягу или вступающіе во второй и въ третій бракъ".

Въ приходахъ, расположенныхъ въ Холмогорской и Устюжской областяхъ, въ отдаленную эпоху, именно въ началѣ XVI вѣка, церковные и часовенные старосты существовали повсемѣстно при тамошнихъ церквахъ и часовняхъ и пріобрѣли громадное значеніе въ тогдашней церковно-общественной жизни прихода. Для веденія своего обширнаго церковнаго хозяйства, главнымъ образомъ выражавшагося въ отдачѣ въ аренду („въ празгу") церковной земли половникамъ, большіе приходы въ нашемъ сѣверѣ избирали, безъ точно опредѣленнаго срока, изъ своей среды, иногда при участіи священника, не только одного, но нѣсколько церковныхъ старостъ (обыкновенно двухъ, причемъ одинъ изъ нихъ дѣлался товарищемъ старосты) изъ числа „людей добрыхъ и душою прямыхъ и животомъ прожиточныхъ" (то есть состоятельныхъ), изъ людей, какъ говорилось, „Бога боящихся". Въ церковное „старощенье" входилъ цѣлый кругъ сложныхъ обязанностей и мірской сходъ выбиралъ часто въ помощь своимъ старостамъ особыхъ церковныхъ прикащиковъ, которымъ поручались въ завѣдываніе отдѣльныя статьи церковнаго земельнаго хозяйства, а также „мірскихъ посыльщиковъ, ходаковъ", на которыхъ возлагались обязанности отстаивать предъ правительственными чиновниками, въ Москвѣ или другихъ центрахъ, интересы прихода. Такъ „міръ" обязывалъ церковнаго старосту: вѣдать церковный обиходъ,—рядить церковныхъ половниковъ,—блюсти церковную казну и дѣлать выгодныя пріобрѣтенія земельныхъ угодій,—помогать изъ церковной казны хлѣбомъ и деньгами неимущимъ, — взыскивать самому по прошествіи года розданныя въ долги деньги „не приваливая" къ слѣдующимъ старостамъ, преемникамъ своимъ,— участвовать въ выборѣ причта и т. п., и дѣлать все сіе съ „мірскаго совѣта", и давать во всемъ отчетъ міру „на своей правдѣ, передъ Спасовымъ образомъ" [1]).

Церковная казна, по старинной терминологіи, носила характерныя названія; такъ напримѣръ: „Спаса Нерукотвореннаго образа казна", „Хлѣба Спасовы", и т. п.; подобно тому и церковныя земли назывались „мѣстомъ церковнымъ Ивана Предтечи", „мѣстомъ церковнымъ великаго чудотворца Николы", „пророка Ильи" и т. п. (Бѣлевская вивліоѳика, изд. Елагина,

При несомнѣнномъ существованіи въ народѣ грамотности въ древней Руси въ такихъ, напримѣръ, отдаленныхъ краяхъ, какъ Холмогорскій и Устюжскій, въ чемъ наглядно убѣждаютъ новооткрытые древніе акты разнообразнаго содержанія, юридически тонко составленные и подписанные, не только старостами и сотниками, но и простыми крестьянами въ качествѣ свидѣтелей („послуховъ"), не удивительно, что въ нѣкоторыхъ городахъ и волостяхъ встрѣчались такіе приходы, гдѣ церковные старосты сами, или при помощи церковныхъ дьячковъ, вели церковныя приходо-расходныя книги, и заключали письменные договоры относительно церковныхъ земельныхъ имуществъ. Всѣ эти документы даютъ въ настоящее время возможность составить себѣ полное понятіе о той дѣятельности, которую обнаруживалъ древнерусскій приходъ. Выбравъ членовъ причта, который обыкновенно въ эту эпоху состоялъ изъ священника, дьяка (носившаго, кромѣ того, обязанности сельскаго секретаря, или нынѣшняго нотаріуса), просвирни и сторожа (трапезника), а также церковнаго старосту, приходское общество не ограничивало свою дѣятельность этими выборами и не относилось послѣ того безучастно къ церковнымъ интересамъ и хозяйству, а напротивъ того, какъ мы видѣли выше, участвовало во всѣхъ распоряженіяхъ своего церковнаго старосты, скрѣпляло ихъ своимъ согласіемъ, требовало во всемъ себѣ отчетности, и входило въ нужды церкви настолько глубоко, что постоянно участвовало въ разныхъ челобитьяхъ, относящихся до церковныхъ дѣлъ, напримѣръ касательно устройства крестныхъ ходовъ въ дни своихъ храмовыхъ праздниковъ [1]).

т. I, стр. 209, 452, 503; Писцов. и перепис. кн. XVII вѣка по Ниж. Новгороду, изд. Арх. Ком., 1896 г., столб. 87).

Типичнымъ примѣромъ самодѣятельности мірянъ въ древней Руси въ дѣлахъ обще-церковныхъ можетъ служить, напримѣръ, слѣдующій фактъ: въ XVII вѣкѣ жители гор. Вологды, видя чудеса отъ гроба Галактіонова, умершаго въ 1612 году (сына казненнаго кн. Ивана Бѣльскаго) сошлись въ большое собраніе и обратились къ архіепископу съ просьбою о построеніи храма; архіерей, распросивъ благоговѣйныхъ людей, истинныхъ и правовѣрныхъ, о житіи отшельника, и „совѣщавъ съ народы", велѣлъ имъ построить храмъ на могилѣ Галактіона и братію собрать, а одному изъ этой новой братіи—составить житіе подвижника. Иногда окрестное населеніе побуждало монаховъ къ составленію правильнаго житія основателя

Административное значеніе прихода.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію внутренней жизни и дѣятельности древне-русскаго прихода, выражавшейся также и въ дѣлахъ самопомощи и благотворенія, остановимъ вниманіе на административномъ значеніи нашего православнаго прихода. Древне-русскій приходъ имѣлъ значеніе не только въ религіозно-церковномъ отношеніи, но и въ административно-территоріальномъ; покрайней мѣрѣ это положеніе можетъ считаться доказаннымъ относительно всего сѣвера Россіи. Обширная древняя Новгородская область, какъ извѣстно, раздѣлялась нѣкогда на пять частей, носившихъ названіе „пятинъ“, а каждая пятина въ свою очередь дѣлилась на „половины“, заключавшія въ себѣ множество разнообразныхъ по пространству округовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „погостовъ“ [1]. Прежде всего названіе „погостъ“ значило мѣсто, занятое церковью съ кладбищемъ и съ церковными и причтовыми постройками [2]), затѣмъ это названіе перенесено было на селеніе, въ которомъ находился этотъ храмъ, дававшій, какъ будетъ сказано ниже, самое имя погосту, и наконецъ, названіе „погоста“ усвоялось цѣлому округу, который со всѣми своими сельцами, выставками, рядками (торговыми) и прочими поселеніями тянулъ „приходомъ, управой, судомъ и податями“ къ тому центральному мѣсту, гдѣ находился указанный храмъ. Въ

Погостъ.

мѣстнаго монастыря; см. Ключевскаго, Древне-рус. житія святыхъ, стр. 324, 390 и 396.

[1]) Пятины: Вотская, Шелонская, Обонѣжская, Деревская и Бѣжецкая; въ нихъ числилось 343 погоста. См. подробности объ установленіи погостовъ со временъ великой княгини Ольги у Неволина „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. книж. III, 1853 года. См. также названія пятинъ въ „Описаніи Странника Стефана Новгородца „у Востокова, Румянц. муз. стр. 649. Въ этомъ описаніи пятины обозначены: 1. Шолоньская; 2., Бѣжитцкая; 3., Обоньжьская; 4., Водьская: 5., Ижерская и Чудская тоже.

[2]) На церковномъ погостѣ устраивались въ праздники торги, отъ чего названіе „торжество“ въ значеніи праздника; см. Малышевскаго, „О церковно-приходскихъ попечительствахъ, Правосл. Обозр., Февраль 1878 г. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ сѣверо-восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ праздника въ честь Волоса (скотскій богъ); Снегиревъ, Рус. простонар. празд., вып. III, стр. 157. Торговые дни совпадаютъ съ днями церковныхъ праздниковъ. Знаменскій, „Прих. дух. на Руси“, Прав. Обозр., 1866 г., Сент., стр. 15.

этомъ центральномъ селеніи располагались на житье, кромѣ помѣщиковъ, ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, еще разныя мѣстныя начальствующія лица (напримѣръ-тіуны, доводчики, посельскіе), и здѣсь на погостѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ особой пристройкѣ къ храму (какъ увидимъ ниже) сходились погощане на мірскія сходки для разрѣшенія своихъ общинныхъ дѣлъ. На погостѣ же около храма, гдѣ сосредоточивался, такъ сказать, главный нервъ общественной жизни, объявлялись разныя правительственныя распоряженія, позывы крестьянъ къ суду; такъ изъ Псковской судной грамоты усматривается, что позовникъ, посланный звать крестьянина на судъ, долженъ явиться на погостъ къ церкви и здѣсь предъявить свой позывъ: „а который позовникъ пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ позовницы чести или стулится (спрячется) отъ позовницы; ино позовница прочести на погостѣ предъ попомъ“. Такимъ образомъ принадлежность человѣка къ извѣстному приходу имѣла оффиціальное значеніе, и въ государственныхъ актахъ для обозначенія общественнаго положенія какого нибудь лица писалось, что такой-то принадлежитъ къ такому-то приходу. Насколько твердо въ старину проведено было въ жизнь то начало, что храмъ въ главномъ селеніи погоста (въ обширномъ смыслѣ слова) составлялъ просвѣтительный центръ церковной и общественной жизни всего округа, весьма наглядно обнаруживается въ томъ фактѣ, что всѣ другія церкви, построенныя въ погостѣ въ разныхъ селеніяхъ (выставкахъ) и другихъ мѣстахъ, вмѣстѣ со своими причтами находились въ зависимости отъ церкви въ главномъ селеніи, то есть тянули къ ней церковною данью. На старинномъ языкѣ такой главный храмъ погоста носилъ названіе „становой церкви“ (старой), а прочія церкви погоста (или округа) назывались „выставками“, „выставочными церквами“. Вся церковная дань, причитающаяся съ погоста архіерею („подъѣздъ и десятина“), накладывалась на становую церковь, которая и раскладывала эту дань по всѣмъ выставочнымъ церквамъ своего погоста, и затѣмъ, получивъ „въ пособь“ отъ каждой церкви ея долю, отсылала всю дань архіерею [1]). Это совпаденіе

1) См. Постановленіе Псковс. Суд. Грам. о чтеніи позывницы (т. е.

прихода съ административнымъ округомъ, въ которомъ жители связаны были не только въ податномъ и повинностномъ отношеніи (платежъ „погоста“ въ смыслѣ подати), но и въ отношеніи допущеннаго обычаемъ и законами самоуправленія и собственнаго суда и, что еще важнѣе, въ отношеніи религіозно-церковномъ, замѣчается въ древности не только въ Новгородской области, но также и въ зависѣвшей нѣкогда отъ нея Двинской области (Заволочьи), въ Псковской землѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ областяхъ, какъ напримѣръ въ Рязанской, Смоленской и друг.

По изслѣдованію К. Неволина („О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“) большая часть погостовъ (въ смыслѣ географически опредѣленныхъ приходовъ) имѣли составное, двоякое наименованіе; одно изъ этихъ наименованій заимствовано было отъ церкви, а другое отъ имени главнаго селенія, гдѣ находилась церковь, такъ напримѣръ: погостъ „Спасскій Городенскій“ (нынѣшній Петербургскій уѣздъ), „Андреевскій Грузинскій“ („Андрея Святаго Грузинской“), „Григорьевскій Кречневскій“.

Трапезы или схожія избы.

Постояннымъ мѣстомъ общественныхъ собраній жителей погоста была, по предположенію К. Неволина, именно та мѣстность, гдѣ находилась церковь погоста, при которой обыкновенно устроялись, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, „трапезы“ („схожія избы“); именно въ писцовыхъ книгахъ указывалось: „да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большія за трапезы мѣстъ,. гдѣ сходятца по воскресеньямъ крестьяне“, или: „да на погостѣ же изба схожая, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ“ (Неволинъ, стр. 105). Въ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгахъ отмѣчено, что соборная церковь во имя Преображенія Господня „съ трапезой“, равно какъ и другія церкви на „Бѣлѣ озерѣ“ (Ак. Юр., № 231). Эти трапезы были

грамоты приглашающей въ судъ) позовникомъ на погостѣ предъ попомъ. П. С. Г., изд. 2-е Мурзакевича (Одесса, 1868 г.), стр. 4, о „становыхъ и выставочныхъ церквахъ“ см. Ак. Ист., т. I, №№ 142 и 208. Въ Стоглавѣ (изд. 1862 г., стр. 369 и дал.) сказано: „Выставки церкви гдѣ запустѣли и впредь имъ не мочно быти, ино бо сносили ихъ на погосты къ старымъ церквамъ, да придѣлы въ того храма имя устроили, что-бы было безгрѣшно“. Ср. Знаменскій. Прих. дух. на Руси“, Прав. Обозр., Сент., стр. 23, 35.

для погощанъ мѣстомъ собраній и мірскихъ постановленій не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ. Такое предположеніе ученаго юриста нашло себѣ полное подтвержденіе въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, изданныхъ Археографической Коммисіей (т. XII и XIV Русской Исторической Библіотеки, 1890 — 1894 годовъ). Изъ этихъ актовъ (обнимающихъ пространство времени съ 1500 по 1699 годъ) усматривается, что съ незапамятныхъ временъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ Холмогорскаго и Устюжскаго края, какъ равно и при церквахъ Новгородской области, были устроены въ западной части церкви теплыя трапезы. Эти пристройки, примыкавшія непосредственно къ церкви и составлявшія съ ней одно зданіе, занимали пространство почти одинаковое съ самой церковью вмѣстѣ съ алтаремъ, но были отдѣлены отъ послѣдней стѣной, въ которой были вырублены окна въ церковь; предъ трапезой помѣщалась паперть съ крыльцомъ, а подъ всѣмъ этимъ зданіемъ устраивались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ амбары. Въ трапезѣ были сдѣланы лавки съ причелинами (т. е. разными прибоинами), столы, а также печь съ дымоволокомъ [1]) Въ этихъ трапезахъ, какъ мы поясним ниже, прихожане устраивали въ храмовые праздники складочные пиры „(питіе молебныхъ пивъ)“ и поминанье усопшихъ въ родительскіе дни. Сюда же собирались (по воскресеньямъ) на сходы „приходскіе люди“ для обсужденія своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ и здѣсь рѣшались, съ церковнымъ старостой во главѣ и совмѣстно съ причтомъ, всѣ церковныя общинныя дѣла. Въ трапезѣ, конечно, происходили всякіе мірскіе выборы, принимались отчеты отъ церковнаго старосты съ очисткою его предъ образами и съ передачей новому старостѣ „всемірской коробки“, заключав-

---

[1]) См. о трапезахъ при церквахъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Историческихъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. собран. Холмогоровыми; напр. въ выпускѣ V (радонежская десятина) на стр. 41, при описаніи церкви св. Іосафа, въ селѣ Измайловѣ, сказано: „изъ церкви въ трапезу переградка столярскаго дѣла писана красками, у ней двери, затворъ на петляхъ съ наугольниками луженными бѣлыми; два окошка, въ переградкѣ и въ окошкахъ пять окончилъ слюденыхъ съ поперечными прутьи желѣзными; надъ переградкою образъ Господа нашего І. Х. писанъ на полотнѣ.

шей въ себѣ церковную казну вмѣстѣ съ грамотами, купчими, порядными, кабалами (заемными письмами) и другими общинными документами. Эта всемірская коробка всегда хранилась при церкви. Въ трапезѣ, наконецъ, читались государевы и владычные указы и грамоты, писались дьячками разныя порядныя, купчія и мірскіе приговоры, а также завѣщанія. Для надзора и уборки трапезы прихожане избирали на срокъ особаго сторожа, носившаго названіе „трапезника“, который, будучи „у старосты и мірскихъ людей въ послушаніи“, обязывался спать въ трапезѣ, отапливать ее въ зимнее время и мыть къ большимъ праздникамъ, ходить и сбирать, „какъ староста пошлетъ или мірскіе люди“, „на каноны къ праздникамъ по крестьянамъ по солодъ“, и ѣздить „по крестьянамъ въ Филипповъ постъ по ругу, и о Христовѣ дни со кресты съ крылошены ходить и петровское збирать“. За эту службу трапезникъ получалъ отъ міра участокъ земли въ свое пользованіе.

Трапезныя явки.

Эти трапезы въ старину, очевидно, составляли средоточіе всей сельской и городской жизни даже въ такихъ сравнительно большихъ городахъ, какъ Устюгъ; здѣсь бился нервъ этой жизни и весьма понятно, что въ трапезу приносили „вѣсти“ о происшествіяхъ, какъ въ городѣ, волости, такъ и за предѣлами ихъ. По установившемуся изстари обычаю въ трапезу также спѣшилъ всякій обиженный для сообщенія народу о тѣхъ насиліяхъ, притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ, которыя онъ претерпѣлъ. Въ опубликованныхъ актахъ Холмогорскаго и Устюжскаго края (особенно въ т. XIV Рус. Ист. Биб.) встрѣчаемъ цѣлую массу такъ называемыхъ „трапезныхъ явокъ“, въ которыхъ оглашались всякія преступленія, учиненныя въ округѣ (убійства, грабежи, самоуправства, побои, угрозы). Эти явки подавались обыкновенно въ трапезѣ на имя церковнаго старосты, добрыхъ людей прихода и всѣхъ крестьянъ. Словесныя явки записывались по мірскому велѣнію дьячкомъ, а письменныя,— оканчивающіяся обычно стереотипною фразою „а вамъ-бы господа мои, старостѣ церковному и священнику и всѣмъ крестьянамъ было явно и вѣдомо про нашу нужду,—вычитывались въ народѣ и на нихъ дѣлалась отмѣтка, что „явка дана и чтена въ народѣ, въ трапезѣ“.

Приходская благотворительность.

Благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ была сильно развита. Знакомясь со старыми писцовыми книгами (XVI—XVII вѣк.), находимъ въ нихъ цѣнныя указанія на существованіе около церквей, вмѣстѣ съ поповскими и причетническими дворами, дворовъ богадѣленныхъ, подъ названіемъ „келій для нищихъ“, проживательство коихъ около церквей, на церковной землѣ, было явленіемъ древней Руси. Совокупность всѣхъ этихъ дворовъ называлась „монастыремъ“; „а на монастырехъ жити нищимъ“, какъ выражался Судебникъ 1550 года. При описаніи погоста обозначалось обыкновенно во имя какого святаго или въ честь какого праздника церковь освящена, на чьей землѣ находится, кѣмъ построена, имѣетъ ли трапезу и „кельи для нищихъ“, и, если она выстроена „міромъ“ и имъ же доставлялось церковное имущество, то отмѣчалось: „строеніе церковное, образы, свѣчи, сосуды, книги, колокола („клепало“) — приходные“, или „поставленье и строеніе мірское“, „строеніе рядовичъ“ (то-есть посадскихъ людей). Обращая вниманіе на эти „кельи“, усматриваемъ, что о нихъ упоминается при описаніи почти всѣхъ погостовъ; такъ напримѣръ, при описаніи Заонежской половины [1]) Обонѣжской пятины, также Бѣжецкой и Деревской пятинъ, на каждомъ шагу въ писцовыхъ книгахъ читаемъ: „на погостѣ столько-то келій (три, пять, пятнадцать, двадцать двѣ), а въ нихъ живутъ нищіе (старцы и старицы) въ такомъ-то числѣ и питаются милостыней „о церкви Божіей и о приходѣ“; въ Михайловскомъ погостѣ, въ Коствѣ, находимъ „три кельи, а въ нихъ живутъ боярыни вдовы и черницы“. Тѣ же записи о нищенскихъ кельяхъ встрѣчаются и въ актахъ Холмогорской епархіи, напримѣръ: „въ стану Ондреяновѣ, въ погостѣ Вознесенскомъ, двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищіе (старицы), а питаются отъ церкви Божіи (см. Рус. Ист. Биб., т. XIV, стр. 127). Въ городѣ Галичѣ (Костромской губерніи) въ 1609—1610 гг., при четырехъ приходскихъ храмахъ были устроены избы для нищихъ: „нищихъ въ кельяхъ около церквей на посадѣ—

[1]) Эта „половина“ простиралась по правому берегу рѣки Волхова къ Ладожскому озеру и отсюда поворачивала къ озеру Онежскому и обнимала его со всѣхъ сторонъ; въ ней считалось 45 погостовъ.

всего 68 келій". Въ началѣ XVII вѣка, на церковныхъ земляхъ г. Нижняго-Новгорода находилось 60 келій для нищихъ, питавшихся отъ церквей Божіихъ, а въ лежащемъ близъ города погостѣ Молитовкѣ—пять нищенскихъ дворовъ [1]). Въ писцовыхъ книгахъ Московскихъ слободъ XVII вѣка, какъ напримѣръ: въ Даниловскомъ, въ Гонной, въ Рогожскомъ, въ Красномъ и друг. находимъ, что церковная утварь, книги, ризы, образа и т. п. тоже „строеніе мірское" и что на церковной землѣ были расположены кельи для нищихъ и „вдовьи дворы" [2]). Къ этому же разряду питавшихся о церкви и о приходѣ относились бобыли, обѣднѣвшіе и безпашные крестьяне. Кромѣ того для сельскихъ нищихъ и убогихъ наши многочисленные, разбросанные по разнымъ мѣстамъ Россіи, монастыри служили, какъ и въ отдаленную старину, пріютами и прибѣжищами для обездоленнаго люда; такъ, по запискамъ Хутынскаго монастыря извѣстно, что тамъ была населена цѣлая слобода нищихъ, также и при Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и другихъ [3]). Можно сказать, замѣчаетъ проф. Знаменскій (Прих. дух. на Руси), что сколько было церквей въ Россіи и приходовъ, столько же въ ней было богадѣленъ, больницъ и приходскихъ монастырьковъ.

Такъ дѣло стояло въ селахъ и деревняхъ; что же ка-

---

[1]) См. отрывки изъ дозорной писцовой книги города Галича (1609—1610 гг.), помѣщенной въ № 21 „Москвитянина" за 1851 годъ: мелочи и историческ. замѣт., стр. 74; Писцов. и перепис. книга XVII вѣка по Нижнему-Новгороду, изд. Арх. Ком., 1896 г., столб. 187, 315.

[2]) См. Матер. для исторіи, археологіи и статистики гор. Москвы, собранные И. Забѣлинымъ, 1884 г., ч. I, стр. 711, 714, 723, 725, 730, 756, 800, 823. См. также Историч. матеріалы о церк. XVI—XVIII ст. собр. Холмогоровыми: напр. выпускъ I (Рузская десятина, стр. 129, вып. IV (Селецкая десят.) ст. 44, 65, 92, 140, вып. V (Радонежская десят.), стр. 21, и другіе.

[3]) См. писцовыя книги Бѣлевскаго уѣзда начала XVII вѣка, помѣщенныя въ Бѣлевской вивліоѳикѣ, изд. Елагинымъ, 1858 г., т. I (станъ Погорѣльской) №№ 23, 125, 254, 256, 261, стр.: 459, 505 (на погостѣ Долецкомъ) было 6 дворовъ, бобыльскихъ, безпашенныхъ людей, питавшихся въ числѣ 8 человѣкъ отъ церкви Божіей) и т, II, стр. 30, 145, 268 и др.

См. также писцовыя книги XVI вѣка восьми городовъ: Коломны, Можайска, Казани, Свіяжска, Тулы, Каширы, Венева и Лаишева; свѣдѣнія приведены у Чечулина „Нѣск. данныхъ о книгахъ по город. Моск. госуд." Спб., 1889 г., стр. 5 и послѣд. См. Акт. Эксп., т. I, № 159.

сается городовъ, то въ виду извѣстнаго постановленія Стоглаваго собора о необходимости устройства мужскихъ и женскихъ богадѣленъ во всѣхъ городахъ, подъ руководствомъ священниковъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности назидать и учить темный богадѣленный людъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что разныя богоугодныя заведенія были учреждены повсюду, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ. Ниже мы увидимъ, какое громадное количество богадѣленъ и больницъ было учреждено въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, теперь же въ видѣ примѣра укажемъ, что въ городѣ Устюгѣ, въ XVII вѣкѣ, существовали, кромѣ двухъ больницъ, одной при Спасскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (Афанасьевская больница), а другой при Ивановскомъ мужскомъ монастырѣ, еще двѣ богадѣленныя избы для нищихъ, старцовъ и старицъ, и при этихъ избахъ состоялъ особый священникъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка, у большаго моста находилась „богадѣльня нищихъ старцовъ“, а также и при церкви св. Семіона. Извѣстно также, что въ Новгородѣ въ ту-же эпоху существовали прочно организованныя богадѣльни, больницы и странноприимные дома.

Ко всему изложенному выше о приходской городской-благотворительности надлежитъ еще добавить, что повсемѣстно въ древне-русскихъ городахъ находились, такъ называемые, „убогіе дома“ („Божьи дома“, „скудельницы“)-т. е. особыя кладбища для бѣдныхъ, странниковъ, коня чившихъ жизнь насильственной смертью, безъ напутствіи таинствами, оставленныхъ безъ совершенія надъ ними обрядовъ отпѣванія въ церкви и не оплаканныхъ родными. Въ эти убогіе дома, въ опредѣленные дни направлялись изъ ближайшихъ церквей и монастырей крестные ходы и благочестивые люди стекались съ гробами, одеждами и саванами для мертвыхъ, изъ усердія сами рыли ямы, опрятывали тѣла, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и зарывали въ землю, а по распоряженію высшихъ духовныхъ властей отправлялась общая панихида по этимъ убогимъ людямъ. Царская семья принимала также участіе въ этомъ благотвореніи; такъ, каждый годъ на Троицкой недѣлѣ выдавались шитые во дворцѣ покровы на погребеніе умершихъ въ убогій домъ. За этихъ

благочестивыхъ людей, исполнявшихъ этотъ трудный христіанскій долгъ, наша церковь молится какъ за „труждающихся и поминающихъ убогихъ“. При такихъ убогихъ домахъ жилъ сторожъ, называвшійся „божедомомъ“, который давалъ также пріютъ подкинутымъ дѣтямъ, и такимъ образомъ эти убѣжища превращались въ воспитательные дома въ древней Руси [1]).

Къ отдѣлу приходскаго благотворенія надлежитъ отнести выдачу неимущимъ („скуднымъ“) крестьянамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, также женщинамъ, такъ и цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ во главѣ съ ихъ сотскими, а равно и членамъ причта, въ ссуду изъ церковной казны денегъ, хлѣба, сѣмянъ, сѣна и проч. Эта выдача, какъ удостовѣряютъ новооткрытые акты, производилась „изстари“ повсемѣстно и въ весьма широкихъ размѣрахъ въ Холмогорскомъ и Устюжскомъ краѣ, гдѣ церковная казна являлась въ полномъ смыслѣ слова народнымъ банкомъ. То-же явленіе замѣчалось и въ Сибири въ XVII вѣкѣ; такъ изъ царской грамоты 1646 года Енисейскому воеводѣ узнаемъ: „а церковныхъ денегъ въ церковной казнѣ было не мало и церковные де старосты тѣхъ денегъ раздавали взаймы служилымъ и всякимъ людемъ“ [2]). Эти ссуды выдавались обыкновенно лично церковнымъ старостой, или по особому мірскому разрѣшенію, подъ закладъ движимаго и недвижимаго имущества (крестьяне закладывали также свои жеребья) для уплаты государственныхъ и земскихъ податей, а иногда и на постройку другой церкви, при чемъ заемъ этотъ до сроку считался безъ роста, „а по сроцѣ-ростъ“ [3]).

---

[1]) Въ гор. Псковѣ „скудельницы“ были „на всякомъ концы на посадѣ“. См. П. С. Л., т. IV, стр. 230 (подъ 1466 год.); см. о скудельницахъ въ г. Новгородѣ въ 1389 г., тотъ же томъ, стр. 97. См. стат. Снегирева „О скудельницахъ, или убогихъ домахъ въ Россіи“, въ сочин. „Рус. простонар. празд.“, вып. III, стр. 177—210; также у Костомарова „Очер. дом. жизни“, стр. 257 и слѣд. Забѣлинъ „Мат. для ист. Москвы, ч. I, 1884 г., пред. стр. 81.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., т. III, № 8.

[3]) Весьма любопытно, что очень многіе крестьяне отдавали въ закладъ: серьги, перстни, ожерелья жемчужныя, колтки, шитые шелками и золотомъ рубашки, куски суконъ, тулы со стрѣлами и даже иконы въ серебряныхъ ризахъ; нахожденіе такихъ вещей у крестьянъ указываетъ съ другой стороны, на извѣстную въ ихъ средѣ зажиточность.

Благотворительная сторона этихъ ссудъ усматривается, кромѣ указаннаго льготнаго условія о процентахъ, еще и изъ того факта, что, ни церковные старосты, ни приходскія общины, какъ видно вовсе не тѣснили заемщиковъ. Въ церковной казнѣ большинства церквей того времени встрѣчалось очень много старыхъ заемныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ кабалъ (писанныхъ обыкновенно церковными дьячками), которыя лежали безъ взысканія по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. Деньги взыскивались и по частямъ, особенно при займѣ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, отдѣльные члены котораго участвовали въ этомъ займѣ „на паяхъ“. Иногда давались ссуды и безкабально, въ большинствѣ случаевъ по мірскому о семъ приговору. О такомъ добродушномъ отношеніи приходскихъ общинъ къ своимъ заемщикамъ весьма краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ можетъ служить, напримѣръ, приговоръ (послѣ 1618 года) крестьянъ Афанасьевскаго и Ѳедоровскаго приходовъ (Устюжскаго края) о томъ, чтобы изъ 18-ти рублей съ полтиною церковныхъ денегъ, взыскивавшихся съ Некраса Кувакина и Панкратія Пономарева, взыскать лишь 4 рубля, „а въ досталныхъ денгахъ“, какъ значится въ приговорѣ, „простили: Аѳанасію Александрійскому, да Ѳедору Стратилату оддали судити“ (то есть тѣмъ святымъ, въ честь которыхъ выстроены были эти церкви) [1]).

Надзоръ приходской общины за нравственностью своихъ сочленовъ.

Говоря о правахъ общины надъ ея отдѣльными членами, мы имѣли случай пояснить, что она свою власть и надзоръ простирала не только на общественное поведеніе своихъ сочленовъ, но даже и на ихъ семейную жизнь; такъ въ старыхъ актахъ находятся такія требованія: „съ матерью своею не бранитьца и не битьца и жены своей не безвѣчить напрасно“. Особеннымъ покровительствомъ міра пользовались жены, которыхъ онъ защищалъ отъ тиранства мужей, обуздывая ихъ жестокіе порывы. Міръ требовалъ поручительства за добрую нравственность тѣхъ лицъ, которыхъ онъ принималъ въ свою среду, или же избиралъ

---

[1]) Акты Холмогорской и Устюжской епархій въ Русской Исторической библіотекѣ, 1894 г., т. XIV, № 16, стр. 859.—Въ русскихъ монастыряхъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба (житницы). См. подробности у Лешкова, Рус. нар. и госуд., стр. 488.

на какую либо общественную должность; такъ въ актахъ писалось: „и ночью ходячи вина и пива и табаку не покупати и не пити и самому тѣмъ не промышляти, и на домъ пьяныхъ не приводить". Также точно приходъ не оставался равнодушнымъ къ отправленію своими сочленами религіозныхъ ихъ обязанностей и требовалъ отъ нихъ хожденія въ церковь и исполненія долга исповѣди. Для поднятія общественной нравственности прихожане въ старину „обговорившись" на сходкѣ, и „благословившись" у отца духовнаго, постановляли о запрещеніи всякой работы въ воскресные и праздничные дни, которые надлежало проводить „съ чистотою и любовью" и обязывали того, кто нарушитъ это постановленіе платить штрафъ „на церковное строеніе" [1]).

Заботы прихода о насажденіи грамотности и образованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашемъ древнемъ приходѣ при церкви содержался на общій счетъ прихожанъ учитель, носившій въ старину названіе „мастера"; во множественномъ числѣ эти мастера назывались „учительными людьми" [2]). Этотъ мастеръ состоялъ обыкновенно въ числѣ членовъ мѣстнаго причта, но бывалъ также и лицомъ свѣтскаго званія; онъ собиралъ къ себѣ, по соглашенію съ родителями, дѣтей для обученія грамотѣ, то есть чтенію, письму и пѣнію. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ о распространеніи грамотности въ древней Руси служитъ извѣстный отвѣтъ Стоглаваго собора, что „прежде сего въ Россійскомъ царствіи,—на Москвѣ и въ великомъ Новѣгородѣ и по инымъ городомъ, — многія училища бывали, грамотѣ и писати и пѣти и чести учили, и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было, но пѣвцы и четцы и добры писцы тогда славны были по всей землѣ и до днесь". Проэктируя въ своемъ отвѣтѣ царю „о училищехъ книжныхъ по всѣмъ городомъ", мѣры къ распространенію на Руси просвѣщенія, особенно среди

---

[1]) См. напримѣръ, Акт. Юрид., №№ 301 (П), 326, 358.

[2]) См. о названіи „мастера" въ извѣстномъ посланіи архіепископа Новгородскаго Геннадія (Акт. Ист. I, 104); названіе „учитель" встрѣчается въ разныхъ житіяхъ святыхъ. По свидѣтельству „Стоглава", ставленники говорили на архіерейскомъ экзаменѣ: „мы де учимся у своихъ мастеровъ".

духовенства, Стоглавый соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалъ учителямъ: „беречь и хранить учениковъ во всякой чистотѣ“ [1]). Эти указанія Стоглаваго собора о существованіи въ древнія времена повсемѣстно школъ на Руси находятъ себѣ полное подтвержденіе въ нашихъ лѣтописяхъ и въ Степенной книгѣ. Помимо тѣхъ лѣтописныхъ указаній въ Исторіи Россійской Татищева, которыя представляютъ наше древнее просвѣщеніе въ до-Монгольскій періодъ въ блестящемъ видѣ, дошедшія до насъ лѣтописи, какъ извѣстно, сообщаютъ весьма много цѣнныхъ свѣдѣній о церковно-приходскихъ училищахъ временъ св. Владиміра, Ярослава и ближайшей къ нимъ эпохи. Воля св. Владиміра, по замѣчанію митрополита Макарія [2]), основанному на лѣтописныхъ сказаніяхъ, заключалась въ томъ, что-бы въ каждомъ приходѣ находилась школа, въ которой мѣстное духовенство занималось бы обученіемъ дѣтей. Въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и въ Степенной книгѣ упоминается, въ частности, о школахъ, бывшихъ въ XI—XIII вѣкахъ въ Кіевѣ, Новгородѣ (въ 1030 г.), Курскѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Туровѣ и вообще во всѣхъ тѣхъ центрахъ, гдѣ находились епископскія каѳедры, и гдѣ учреждены были монастыри, служившіе въ старину, по преимуществу, разсадниками религіозно-нравственнаго образованія, и принимавшіе также дѣтей для обученія книжнаго [3]). Въ этихъ школахъ не ограничивались однимъ обученіемъ грамотѣ, но внушали и установляли начала нравственности на основаніи ученія вѣры. Такимъ образомъ наши древнія училища имѣли учебно-воспитательный характеръ и являлись непосредственной опорой церкви. Ученикъ, выучившись чтенію, получалъ книгу религіозно-нравственнаго содержанія (обыкновенно псалтырь съ толкованіями), надъ которымъ и производилось дальнѣйшее его упражненіе и совершенствованіе.

Вышеприведенное постановленіе Стоглаваго собора о на-

---

[1]) „Стоглавъ“, изд. въ Казани, 1862 г., стр. 120—122.

[2]) Макарій, Ист. рус. цер., т. I, стр. 112.

[3]) См. соч. Н. Лавровскаго „О древне-русскихъ училищахъ“. Харьковъ. 1854 г., стр. 19, 29, 30—40, 50, 54 и 65, см. стат. „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Руси“, Прав. Собесѣд., 1858 г., ч. I.

сажденіи народнаго просвѣщенія на Руси не осталось мертвою буквою, какъ въ томъ убѣждаютъ наказы соборнаго уложенія, разосланные въ разныя области Россіи. Хотя соборныя постановленія говорятъ лишь объ открытіи городскихъ училищъ, но изъ наказныхъ списковъ усматривается, что соборъ равно имѣлъ въ виду и учрежденіе сельскихъ и деревенскихъ школъ, при чемъ предназначалъ эти школы не только для духовенства, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ предписывалось въ наказѣ мѣстнымъ властямъ и духовенству во Владиміръ (также и въ Каргополь) приводить въ исполненіе соборное положеніе объ устройствѣ училищъ: „Такожь бо есте изобрали и уставили книжныя училища и книжныхъ писцовъ училище въ городѣ, и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ“, причемъ предписывалось учреждать училища въ домахъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, и далѣе указывалось, чтобы „всѣ священницы и дьякони и всѣ православные христіане, въ коемъ ждо градѣ и по волостемъ и по селамъ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго писма, и церковнаго пѣнія салтычнаго и чтенія налойнаго“ [1]).

Соборный призывъ къ народу о самодѣятельности и самопомощи въ великомъ дѣлѣ насажденія просвѣщенія на Руси нашелъ себѣ полное сочувствіе у царей: Бориса и Алексѣя Михайловича, у патріарха Никона, у патріарховъ восточныхъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, а также среди такихъ выдающихся дѣятелей, какими были для своей эпохи: св. Гурій, первый архіепископъ Казанскій, учредившій народныя школы въ новопокоренномъ краѣ, и „мужъ милостивый“ бояринъ Ртищевъ, извѣстный филонтропъ XVII вѣка. Особенно энергично ратовали за насажденіе народнаго просвѣщенія бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи. Такъ соборъ Вселенскихъ патріарховъ, утвердившій въ Россіи патріаршество, постановилъ правиломъ заводить повсюду

---

[1]) См. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 года, или Стоглава. И. Бѣляева, Москва, 1863 г., стр. 23.

Стоглавъ, по мнѣнію И. Бѣляева, былъ актомъ оффиціальнымъ, опредѣленія котораго разсылались въ свое время къ исполненію, говоря языкомъ нашей новѣйшей администраціи, циркулярно“. (См. предисл.).

училища. Въ 7-ой главѣ опредѣленій сего собора сказано было: „святый Соборъ вмѣняетъ въ обязанность каждому епископу въ его епархіи заботиться и употреблять возможные способы, что-бы кто можетъ изучалъ Божественныя и священныя писанія, и оказывать посильную помощь, какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться“. Позднѣе, именно въ XVII вѣкѣ, ученый митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ, занимаясь по порученію царя Алексѣя Михайловича опроверженіемъ извѣстной Соловецкой челобитной, въ сочиненіи своемъ указывалъ царю и русскому обществу необходимость еще большаго распространенія училищъ для изученія греческаго, славянскаго и латинскаго языковъ, и объяснялъ, что основой для поднятія церковнаго и гражданскаго сана являются: во первыхъ—училища, во вторыхъ—училища и въ третьихъ—училища. Подобнымъ же образомъ патріархи: Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, приходившіе въ Москву въ 1666 году для устроенія дѣлъ церкви Россійской, въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ въ день Рождества Христова, увѣщевали народъ и царя: „взыскать премудрости“. Къ устроенію училищъ патріархи особенно призывали высшихъ пастырей русской церкви, имѣвшихъ многія отчины и доходы, „не хощемъ же“, говорили они, „да вся тягота и бремя на прекрѣпкій царскій престолъ возложится“; при этомъ патріархи въ подкрѣпленіе своей рѣчи указывали, „что и прежде бывшіе патріархи, установившіе здѣ патріархію, между иными заповѣдьми, яже единодушно уставиша, и то завѣтоваша, да здѣ соборъ училищный, украшенный различными приходами, сотворится къ расширенію ученій и юношъ хотящихъ учится умноженію, вѣдуще велику быти отсюда церкви и царству пользу“. Въ томъ же духѣ писалъ царю іерусалимскій патріархъ Досиѳей, рекомендовавшій извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ [1]). Всѣ эти поощренія и совѣты къ поднятію у насъ просвѣщенія, какъ извѣстно, не остались втунѣ. Въ XVII вѣкѣ многіе ученые люди изъ юго-западной Россіи стали стекаться въ Москву, и въ

---

1) См. Прибавл. къ Твор. св. от., 1845 г., ст. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ XVII вѣка, особенно стр. 151, 161, 163, 164, 165, 168, 176 и другія.

ней начали учреждаться даже высшія учебныя заведенія (Андреевское, Чудовское, книгъ печатнаго двора, Заиконоспасское); и среди этихъ ученыхъ явились люди, которые энергично стали совѣтовать о распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Такъ извѣстный Чудовскій инокъ Евѳимій, входившій въ составъ ученаго братства, образовавшагося въ Москвѣ подъ главенствомъ Кіевскаго ученаго Епифанія Славеницкаго, въ своемъ поученіи взывалъ: „пецыся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душей елика твоя сила, увѣщавати царя и прочыя могущыя, еже устрояти училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получаши оставленіе [1]).

Поставивъ себѣ цѣлью хотя нѣсколько уяснить дѣятельность древне-русскихъ приходовъ также и въ отношеніи просвѣтительной задачи, мы не станемъ здѣсь слѣдить за тѣмъ подъемомъ духа, обнаружившимся въ XVII вѣкѣ среди русскихъ правящихъ классовъ, высшаго духовенства, а также лучшихъ представителей тогдашняго Московскаго общества, въ отношеніи поднятія народнаго образованія, и сосредоточимъ наше исключительное вниманіе на тѣхъ данныхъ, которыя выясняютъ дѣятельность прихожанъ въ отношеніи устройства приходскаго школьнаго дѣла.

Въ подтвержденіе того положенія, что въ эпоху XVII вѣка нахожденіе церковно-приходской школы при церквахъ было явленіемъ обычнымъ, мы сошлемся, между прочимъ, на извѣстія рукописнаго сборника XVII вѣка, въ которомъ, вмѣстѣ съ указаніемъ, что на церковь надлежало жертвовать: „дабы училища и школы быти могли“, сообщалось, что вообще при церквахъ состояли также, вмѣстѣ съ богадѣльнями, училища или школы, въ которыхъ учителя получали плату, а бѣднѣйшіе изъ учениковъ пособіе, также изъ доходовъ церкви [2]). Далѣе, весьма въ этомъ отношеніи важна царская грамота 1629 года Новгородскимъ воеводамъ князю Пожарскому и Глѣбову, изъ которой уз-

---

[1]) Горскій и Невоструевъ, Опис. слав рук. Моск. Синод. биб., № 388, л. 38. стр. 816.—Также ратовалъ за народное просвѣщеніе извѣстный Крижаничъ (Русск. госуд. въ полов. XVII вѣка, изд. Безсоновымъ, ч. I, стр. 321).

[2]) „Москвитянинъ“, № 22, за 1851 г. „Еще историческое замѣчаніе“, стр. 154.

наемъ, во первыхъ, что въ Новгородѣ школьное обученіе было такъ распространено, что многіе нѣмцы изъ Любека, Колывани, желая обучить своихъ дѣтей русской грамотѣ, хлопотали объ отдачѣ ихъ Новгородскимъ учителямъ, а во вторыхъ, въ грамотѣ сообщалось гдѣ происходило обыкновенно обученіе дѣтей: „а учаться они русской грамотѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, на посадѣ, у церковныхъ дьячковъ [1]). Въ царской грамотѣ, разосланной въ 1648 году по всей Россіи и Сибири и предписывающей исправленіе нравовъ и уничтоженіе суевѣрій, сообщалось „о приходскихъ попахъ и учителныхъ людяхъ", обучавшихъ народъ грамотѣ; такъ, сѣтованія объ упадкѣ добрыхъ нравовъ изложены въ грамотѣ, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учителныхъ людей наказанья не слушаютъ"; далѣе въ грамотѣ всѣмъ православнымъ крестьянамъ предписывалось: „отцовъ своихъ духовныхъ и учителныхъ людей наказанья и ученія слушать [2]). Въ описаніи города Боровска XVII вѣка сказано: „подлѣ торговой площади и Калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той же богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ" [3]). Но о существованіи приходскихъ учителей, или мастеровъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, а также о значительномъ распространеніи грамотности въ народѣ, мы имѣемъ цѣнныя свѣдѣнія, не только изъ эпохи XVII вѣка, но и о времени болѣе раннемъ, а именно о положеніи приходскаго школьнаго дѣла въ XVI и даже въ XV вѣкѣ. Изъ житій святыхъ XV — XVII вѣковъ узнаемъ о существованіи многихъ сельскихъ и деревенскихъ школъ, не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ напр. въ Обонежьѣ, въ Бѣломорской области, у Бѣлаго озера. Вообще громадное количество писанныхъ книгъ и документовъ (самаго разнообраз-

---

[1]) А. А. Э., т. III, № 184. Сравн. Востокова, Опис. рукоп. Рум. музея 1842 г., стр. 67, грамоты XLVI.

[2]) См. Иванова, Описан. госуд. арх. стар. дѣлъ, Москва, 1850 г., стр. 296—299; А. Ист., т. IV, № 35. Эта грамота читалась въ городахъ всенародно.

[3]) Чечулинъ, Нѣск. данныхъ о книгахъ по городамъ Москов. госуд. въ XVI вѣкѣ, С.-ПБ., 1889 г., стр. 5.

наго юридическаго содержанія, тонко составленныхъ и съ многочисленными рукоприкладствами), дошедшихъ до насъ отъ XV — XVII вѣковъ, привело ученаго изслѣдователя древне-Московской образованности, Соболевскаго, къ заключенію, что грамотность, не говоря о высшихъ классахъ, была настолько распространена въ простомъ народѣ, что въ эпоху XVI—XVII вѣка между простолюдинами встрѣчалось около 15—20 % грамотныхъ [1]). Другой изслѣдователь по тому же предмету Д. Мордовцевъ, на основаніи изученія азбуковниковъ XVII вѣка утверждаетъ, что въ то время существовали отдѣльныя училища, особые дома, гдѣ собиралось русское юношество для наученія книжнаго [2]). Изъ эпохи XVII вѣка сохранился, какъ извѣстно, весьма любопытный актъ о выборѣ сельскаго пономаря; этотъ актъ можетъ служить интересной иллюстраціей для быта и жизни древняго прихода. Въ этомъ актѣ прихожане Никольской слободы Сторожевскаго монастыря приговорили быть у церкви въ приходѣ пономаремъ Архипа Пименова сына Второва и, возлагая на него надзоръ за всѣмъ церковнымъ имуществомъ и за книгами, обязывали его смотрѣть за малыми ребятами „въ кои дни доведетца по книгамъ говорить“ и накрѣпко приказывали ему, пономарю, слѣдить „что-бы они (то есть дѣти) говоря по книгамъ, книги берегли и не драли и воскомъ словъ не закапывали, по домамъ изъ церкви книгъ безъ спросу и безъ вѣдома никто не бралъ, а ему, пономарю, къ себѣ въ домъ для наученія своихъ дѣтей церковныхъ книгъ не имать [3]). Это любопытное свидѣтельство о существованіи въ старину библіотекъ, не только въ монастыряхъ или архіерейскихъ домахъ (что извѣстно), но и при обыкновенныхъ городскихъ и сельскихъ приходскихъ церквахъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ цѣнномъ указаніи, что въ библіотекахъ приходскихъ церквей города Устюга Великаго въ XVII вѣкѣ было книгъ 700 томовъ и 68 названій, при чемъ въ составъ этихъ

---

[1]) Соболевскій, Образов. Моск. Руси, XV—XVII вѣк., стр. 4, 8—13.
[2]) Мордовцевъ, „О рус. школьн. книг.“ XVII вѣка. Москва, 1862 г.
[3]) А. Юр., № 287.

книгъ входили: 1., книги библейскія и ихъ толкованія; 2., богослужебныя книги и 3., творенія св. отецъ, житія святыхъ и разные сборники; сдѣлавшій это указаніе Боцяновскій при этомъ замѣчаетъ, что нѣкоторая часть этихъ книгъ покупалась на средства прихожанъ [1]). Это указаніе благодаря опубликованію двухъ томовъ Устюжскихъ и Холмогорскихъ актовъ, не остается въ настоящее время одинокимъ; изъ названныхъ актовъ усматривается, что весьма многія церкви сѣвернаго края обладали такими церковно-приходскими библіотеками, которыя носили въ старину названія: „книгохранительницъ“. Такъ напримѣръ въ Сольвычегодскомъ соборѣ находилась такая обширная книгохранительница, что въ ней даже отыскалось сочиненіе Козмы Индиклопова „Космографія“, а въ Николаевскомъ Корѣжемскомъ монастырѣ въ числѣ библіотечныхъ книгъ былъ „Стоглавъ“ царя Ивана Васильевича [2]). Въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ при приходскихъ церквахъ: Богоявленской, Николаевской, Флора и Лавра, Яхренской волости, въ церкви Сухоно-Благовѣщенскаго прихода, въ церкви Николаевской Кодласской, въ церкви Сольвычегодскаго уѣзда, Печеозерской волости, Архангельскаго прихода, въ церкви Спаса на Красномъ Бору, Устюжскаго уѣзда, Устьевской волости, имѣлись собранія книгъ, купленныхъ по обыкновенію въ Москвѣ на пожертвованія прихожанъ, при чемъ книгохранительница Красноборской Спасской церкви по изобилію книгъ обращаетъ на себя особое вниманіе [3]). Кромѣ того надлежитъ замѣтить, что у тамошнихъ простолюдиновъ имѣлись даже небольшія собранія книгъ, и среди прихожанъ посредствомъ

---

[1]) Боцяновскій, „Къ ист. просвѣщ. въ древ. Руси XVII вѣка“; книги въ Устюгѣ Великомъ, С.-ПБ. 1892 г., стр. 8—15. „Улица“ (въ смыслѣ прихода) участвуетъ въ снабженіи своей церкви книгами церковными, какъ то видно изъ приписки на харатейномъ прологѣ Москов. Синод. библіот. Эта надпись гласитъ: „въ лѣто 6998 написаны быша книги сія, глаголемыя прологъ ко святома чудотворцома Козмѣ и Даміану на Кузмодеміану улицю повелѣніемъ рабовъ Божіихъ (перечисляются сначала бояре) и всеи улици Кузмодеміанѣ. См. Обозр. перг. рук. Соф. биб. Купріанова, 1857 г., предисл. стр. 2 (примѣчаніе).

[2]) См. т. XII. Р. И. Б. Уст. акты: №№ CCXVII, стр. 1002, и CCXXXVII, стр. 1115.

[3]) См. т. XII Р. И. Б. Уст. акты, стр. 752, 806—809, 820, 1178.

покупки распространялись такія книги, какъ Библія, отдѣльныя книги свящ. Писанія, Псалтирь, Маргаритъ Кирилла Іерусалимскаго и проч. [1]).

Церковные приходы въ Москвѣ XVII вѣка.

Какъ для всего сѣвера Россіи опубликованные Акты Холмогорской и Устюжской епархій представляютъ необыкновенно цѣнный матеріалъ для выясненія церковно-приходской жизни давняго времени, такъ точно матеріалы, собранные историкомъ Забѣлинымъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы являются необходимымъ пособіемъ для изученія исторіи церковныхъ приходовъ нашей древней столицы [2]).

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ извѣстіямъ о древне-русскомъ приходѣ, мы, руководствуясь этими важными матеріалами, можемъ въ нашемъ краткомъ очеркѣ лишь въ сжатомъ видѣ привести существенныя черты изъ жизни и быта Московскаго церковнаго прихода за время патріарховъ.

Нѣтъ надобности пояснять, что исконное право выбора своихъ священно и церковно-служителей и отвода имъ дворовъ на церковной землѣ оставалось за прихожанами въ древней Москвѣ незыблемымъ и что, какъ извѣстно, даже „духовный регламентъ“ съ послѣдующими указами оставлялъ корпоративную приходскую жизнь неприкосновенной,

---

[1]) Тотъ же томъ, Холмогор. акты, стр. 20, 26, 234, 236, 414.—На основаніи писцовыхъ книгъ XVI вѣка Чечулинъ (Нѣск. данныхъ о книгахъ по городамъ Моск. госуд.) устанавливаетъ тотъ фактъ, что при церквахъ 8 городовъ: Коломны, Можайска, Казани, Свіяжска, Тулы, Каширы, Венева и Лаишева находилось 2.000 рукописныхъ книгъ.—О значительномъ количествѣ книгъ при приходскихъ церквахъ сѣверн. Россіи см. интересныя подробности у Срезневскаго. Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. памятн. глава XLI. О громадномъ количествѣ книгъ духовнаго содержанія въ церквахъ и монастыряхъ г. Нижняго Новгорода въ началѣ XVII вѣка, см. „Писцовую и переписную книгу“ этого города, изд. Арх. Ком. въ 1896 г. стр. 35, 339, 340, 347 и мн. другія.

[2]) Матеріалы для ист., археол. и стат. г. Москвы, собранные Забѣлинымъ, ч. I—1884 г., и ч. II—1891 г. Изъ предисловія къ первой части мы узнаемъ, что при этомъ историко-археологическомъ и статистическомъ описаніи г. Москвы была поставлена весьма широкая задача; такъ, между прочимъ, предположено представить исторію церковныхъ приходовъ существующихъ и упраздненныхъ, сообщить уставы, порядки и обычаи приходскаго общежитія и дать свѣдѣнія о приходскомъ призрѣніи бѣдныхъ (богадѣльни, пріюты) и о другихъ дѣлахъ и дѣйствіяхъ приходскаго міра (школы, убог. дома).

и что только въ концѣ XVIII вѣка право выбора прихожанами приходскаго духовенства было упразднено (П. С. З., 24 Іюля 1797 г. № 18016 и Уст. Дух. Консист. 27 Марта 1841 года).

Указавъ въ примѣчаніи [1]) на документы, поясняющіе порядки избранія прихожанами священниковъ, діаконовъ и другихъ членовъ причта, мы здѣсь вкратцѣ, для примѣра, приведемъ актъ выбора церковнаго старосты для церкви св. Николая у Яузскихъ воротъ, въ старыхъ Кошеляхъ, въ лѣто 7199. Въ этомъ актѣ указывается, что для веденія церковно приходскихъ дѣлъ избирался причтомъ, во главѣ со священникомъ, и всѣмъ приходомъ церковный староста, которому вмѣнялось въ обязанность: вести „собственноручно“ приходную (заручную) и расходную книги, радѣть вседушно объ украшеніи св. церкви и у священника быти въ послушаніи и безропотно въ церковномъ дѣлѣ, и безъ вѣдома священника и приходскихъ людей совѣту собою ничего не строить“ [2]). Какъ видно изъ записей церкви Св. и Чудотв. Николая, что за Арбатскими воротами (176 года) такихъ церковно-приходскихъ книгъ въ старину велось не мало; именно при названной церкви заведены были слѣдующія книги: 1) книга попомъ и дьякономъ, о перехожихъ, 2) книга, гдѣ записывались восковыя свѣчи, 3) книга пустовыхъ церковныхъ земель, 4) книга печатная, гдѣ грамоты и наказы записывались и 5) книга восковому приходу и расходу [3]).

Древній Московскій городской приходъ былъ единицей вполнѣ опредѣленной въ географическомъ отношеніи, и въ

---

[1]) См. напр. о выборахъ прихожанами священно и церковно-служителей и объ отводѣ имъ земельныхъ участковъ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, въ I-ой части Матер., стр. 878 (цер. кн. Мих. Черниг. подъ Боромъ); см. тамъ же перехожія памяти на стр. 149—151; далѣе см. стр. 696, 866, 873, 874, 890 и мн. друг.—Во II части см. Строельную книгу №№ 153, 161; Писц. книгу 194 г. №№ 224, 225, 230, 238; Писц. книгу 189 года №№ 248, 255; Писц. книгу 187 года № 280.—См. истор. замѣтки о правѣ выбора прихожанами своего причта у Суворова, Курсъ церк. права, стр. 196 и 197.

[2]) Матер. ч. I, стр. 646. Весьма любопытно, что по этому акту отъ церковнаго старосты требовалось знаніе грамоты; самый актъ подписанъ священникомъ и прихожанами, въ томъ числѣ и женщиной.

[3]) См. Матер., ч. I. стр. 607.

каждомъ приходѣ числилось опредѣленное количество дворовъ (отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ). Съ каждаго прихода въ патріаршую домовую казну собиралась „церковная дань“, и она была опредѣлена по особому окладу съ приходскихъ дворовъ: поповскихъ, причетническихъ, дворянскихъ, старостинскихъ, и сотскихъ, торговыхъ и жилецкихъ (рядовыхъ) людей, при чемъ эта дань съ дворовъ дворянскихъ и поповскихъ была наибольшая (съ перваго — шесть денегъ, со втораго — четыре деньги). Отъ этой дани были освобождены дворы митрополичьи, архіерейскіе, епископскіе, а также дворы бояръ и окольничьихъ и ихъ женъ [1]).

При всѣхъ городскихъ и предмѣстныхъ Московскихъ церквахъ находилась церковная земля (не тяглая), на которой и было расположено мѣстное кладбище [2]), дворы священно и церковно-служителей, дворы, отдававшіеся „людямъ всякихъ чиновъ“ въ оброкъ, который шелъ „попу или на церковное строенье“ [3]), кельи или избы для нищихъ (иногда съ огородомъ) и для вдовъ [4]), и при нѣкоторыхъ церквахъ на той же церковной землѣ были лавки, отдаваемыя тоже въ оброкъ [5]), и построены богадѣльни, гдѣ призрѣвались приходскіе старцы и старицы, вдовы и убогіе, а также больницы для бѣдныхъ. Во

---

[1]) См. патріаршіе приказы патріарховъ: Филарета Никитича, Іосифа, Адріана, на стр. 1193, ч. I, Матер. „церковная дань“. Мы здѣсь не говоримъ о сборахъ собственно съ церквей и съ церковнаго причта, которые были довольно значительны (наприм. съ церквей: подможные, то есть сборы для полковыхъ священниковъ, на иподіаконовъ и пѣвчихъ патріарха, съ благословенныхъ грамотъ, и т. п.

[2]) Кладбища находились даже и при Кремлевскихъ церквахъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ „Строельная книга“ церковныхъ земель 7165 г., Кремль городъ, II ч. Матер.

[3]) См. Матер. ч. II, Строельн. книг. №№ 22, 26, 46, 50, 52, 69, 78, 79, 82, 84, 89, 91, 95, 101, 103, 109, 129, 151, 153, 162, 178, 183, 203 и 214. Особенно наглядное представленіе о дворахъ приходскихъ даетъ „Ружная размѣтная книга“ (ч. II, стр. 423 и слѣд.).

[4]) См. Матер., ч. II, Строельн. кн., №№ 25, 62, 63, 73, 75, 84, 93, 114, 132, 154, 156 (мѣста нищихъ съ огородомъ) 159, 162, 171, 181, 185, 189, 201.

[5]) См. Матер., ч. II, Строельн. кн. №№ 35, 44, 177.

главѣ этихъ богоугодныхъ учрежденій ставились старосты, и иногда особый священникъ [1]). Почти при всѣхъ значи-

[1]) Изъ приходскихъ богадѣленъ въ XVII вѣкѣ извѣстны: 1., женская богадѣльня (16 старицъ) при церкви Введенія Пр. Богородицы въ Барашахъ (Матер. ч. I, стр. 630, 728); 2., для убогихъ людей при церкви Срѣтенія Пр. Богородицы Владимірскія, что за Покровскими воротами (ч. I, 729, 730; упоминается о постройкѣ каменной богадѣльни въ XVIII вѣкѣ „на прежнемъ мѣстѣ“); 3., при церкви Покрова Пр. Богородицы на Покровкѣ, на 100 человѣкъ (ч. I, стр. 482 и 728); 4., при церкви Бориса и Глѣба, что на Смоленской улицѣ (Мат., ч. II, Писц. кн. 194 г. № 223, стр. 278); 5., Егорьевская, что въ Ендовѣ, за Москвою рѣкою (ч. I, 123 и 862); 6., Благовѣщенская, что на старомъ Ваганковѣ (ч. I, патріар. расх. стр. 123); 7., Успенская на Могилицахъ (ibid.); 8., при ц. Власія, въ Конюшенной (ibid.); 9., Николаевская, что на Мясницкой (ibid., стр. 133); 10., Успенская, при церкви Успенія Божіей Матери, что на Покровкѣ, на 80 человѣкъ (ч. I, стр. 484); 11., при церкви св. Николая Чуд. у Боровицкаго моста, для вдовъ и дѣвицъ (ч. I, стр. 515 и 521); 12., при цер. Воскресенія Христова въ Конюшенной (ч. I, стр. 598); 13., при цер. Михаила Малина, на Тургеневскомъ дворѣ, на Моховой улицѣ, на 167 чел. (ч. I, стр. 977); 14., при Николаевской церкви, въ Столпахъ (ibid); 15., при Воскресенской цер., что у Кузнецкаго моста, на Петровкѣ (ibid.); 16., у Смоленскихъ воротъ (ч. I, стр. 1089). Кромѣ того въ ту же эпоху извѣстны были богадѣльни и больницы, учрежденныя частными лицами на свои средства; такъ въ память освобожденія Москвы отъ поляковъ, и для поминанія родителей своихъ, князь Дмитрій Пожарскій устроилъ на Лубянкѣ, близъ своего дома, при церкви св. Ѳеодосія богадѣльню, которая слыла Пожарскою, а потомъ Ѳеодосьевскою (ч. I, стр. 133) и (ч. II, Строельн. кн. № 96). Бояринъ Ртищевъ, извѣстный филантропъ XVII вѣка, учредилъ у Никитскихъ воротъ больницу на нѣсколько кроватей. Князь Черкасскій, въ 1652 году, построилъ больницу съ церковью для бѣдныхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Извѣстна была Богословская богадѣльня, въ Бронной слободѣ, въ которой содержалось 100 человѣкъ на иждивеніи Архангельскаго собора, который изъ доходовъ съ своихъ вотчинъ ежегодно отпускалъ на эту богадѣльню по 300 рублей съ тѣмъ, чтобы богадѣльные нищіе молились объ успокоеніи царскихъ родителей. Изъ больницъ и богадѣленъ, устроенныхъ при монастыряхъ извѣстны: 1., больница при Богоявленскомъ монастырѣ, за Ветошнымъ рядомъ (Мат., ч. I, стр. 401), 2., при Знаменскомъ монастырѣ (ч. I., 406); 3., при Чудовомъ монастырѣ (ч. I, 256), 4., Моисеевская богадѣльня, при Моисеевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (ч. II, Писц. кн. 194 г. № 243); 5., въ Срѣтенскомъ монастырѣ родъ больницы „болящимъ и бродящимъ и лежащимъ нищимъ по улицамъ“. Изъ богоугодныхъ заведеній, получавшихъ содержаніе изъ царской казны назовемъ: 1., богадѣльня такъ называемыхъ „Богомольцевъ Верховныхъ“, помѣщавшаяся въ Кремлѣ (ч. II, 542), Никитскія богадѣльни на 100 человѣкъ, построенныя изъ Дворца, за Никитскими воротами (ч. II, 451, 542), 3., Богадѣленныя избы у Благовѣщенскаго протопопа и на Бутыркахъ (ч. I, 541. ч. II, 542); 4., Богадѣльня при церкви св. Николы Явленнаго

тельныхъ храмахъ особенно соборахъ и вѣроятно при всѣхъ приходскихъ церквахъ всегда бывали „записные нищіе“, особая артель; такъ напримѣръ извѣстны Успенскіе штатные нищіе [1]), Архангельскіе, Чудовскіе, Васильевскіе (при церкви Василія Блаженнаго), при соборѣ Николы Гостунскаго, Богоявленскіе нищіе калѣки въ кибиткахъ, въ Кремлѣ, и друг. Старая Москва вообще любила подавать нищимъ людямъ церковнымъ, питавшимся при церквахъ Божіихъ; подать нищему значило самому Христу подать [2]).

на Арбатѣ, 5., Боровицкая у Боровицкаго моста и друг.—Наконецъ было весьма много богадѣленъ и больницъ, устроенныхъ патріархами, 1., такъ, патріархъ Филаретъ отъ себя соорудилъ въ Москвѣ въ 1626 году больничный монастырь во имя св. Ѳеодора (Мат. ч. I, 1089, ч. II, 617), 2., Кировская келейная патріарха Іова, или „нищепитательница“ на Кулижкахъ, 3., Тихоновская патр. Іоакима у Арбатскихъ воротъ, при церкви Тихона Амаѳунтскаго, 4., при цер. „Всѣ святые“, что за Варварскими воротами, на 100 человѣкъ (ч. I, 494, 1089), 5., около Троицкаго подворья (ч. I, 156), 6., при цер. Петра Митроп., что у Петровскихъ воротъ, богадѣльня и женская больница (ч. I., II. Писц. кн. 189 № 258, ч. I, стр. 541. Свѣдѣнія о древнихъ русскихъ богадѣльняхъ и больницахъ можно почерпнуть изъ: 1., стат. Снегирева „Справки о началѣ богадѣленъ“ и бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка, въ Литер. вечерѣ, изд. въ Москвѣ, 1844 г., 2., Лешковъ, Рус. нар. и госуд., стр. 591, 599, 602—603. 3., Лѣтоп. цер. Георгія, Чт. Об. Ист. и Древ. 1875 г., кн. I, и въ особенности въ Матер. для истор. Москвы, Забѣлина въ ч. I: „нищіе и богадѣльни“, стр. 1084 и слѣд. и ч. II „имянная подушная кн.“, стр. 603—606, гдѣ обозначены 33 нищенскихъ богадѣльни.

[1]) Успенскіе нищіе были постоянными гостями за патріаршимъ столомъ и пѣвали патріарху и его гостямъ „Лазаря“. См. о постоянномъ кормленіи нищихъ патріархомъ и о раздачѣ имъ въ широкихъ размѣрахъ милостыни при всякомъ выходѣ и выѣздѣ, Мат., ч. I „Домъ Святѣйшаго Патріарха“, въ частности „нищіе и богадѣльни“, стр. 1084. Собранными историкомъ Забѣлинымъ матеріалами выясняется та громадная роль, которая была присуща патріарху, какъ „владыкѣ-отцу“, въ домашней и общественной жизни всѣхъ Москвичей, начиная отъ царя и до простолюдина. Патріархъ былъ доступенъ всѣмъ классамъ населенія, онъ одинаково благословлялъ иконами лицъ царскаго дома, бояръ, торговыхъ людей, духовенство и простолюдиновъ, когда они приходили къ нему по своимъ важнѣйшимъ домашнимъ или общественнымъ дѣламъ, или съ „имяннымъ пирогомъ“: патріархъ равно ходилъ на погребеніе и къ боярамъ и къ простымъ монахамъ и къ людямъ низшаго званія. (См. предисловіе къ ч. I Матер.) См. о Патріаршей благотворительности у Филарета, Ист. Рус. цер., ч. I, стр. 305, § 42.

[2]) См. Забѣлинъ, ibid., ч. I, стр. 257, то-же предисловіе, стр. 50, 73, 74.

Кромѣ нищихъ и увѣчныхъ, приходская благотворительность обращала также вниманіе на дѣтей убогихъ людей и на сиротъ и спѣшила придти къ нимъ на помощь. Такъ, въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ находился „пріютъ для дѣтей“ „(ребятъ)“ при Боровицкой богадѣльнѣ, что у Боровицкаго моста, и такой же пріютъ при Кировской богадѣльнѣ, гдѣ воспитывались подкидыши и круглые сироты. Изъ указа царя Ѳедора Алексѣевича отъ 1682 года о построеніи въ Москвѣ двухъ шпиталенъ, одной въ Знаменскомъ монастырѣ, что въ Китаѣ, а другой на Гранатномъ дворѣ, что за Никитскими воротами, видно, что надзоръ за ними былъ ввѣренъ „доброму дворянину“, который бы то дѣло дѣлалъ одной ради любви Божіей съ охотою“; въ этомъ указѣ находилось и положеніе о нищенскихъ дѣтяхъ, которыхъ надлежало отдавать въ школы для обученія грамотѣ и ремесламъ и, такимъ образомъ, изъ праздношатающейся молодежи приготовлять полезныхъ гражданъ, способныхъ замѣнить ремесленниковъ изъ иностранцевъ и способствовать тѣмъ умноженію народнаго благосостоянія [1]). Приходская церковь, по замѣчанію историка Забѣлина, въ древнее время, до 1722 года, нося теперешнее значеніе церковнаго прихода, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначала, что въ сущности для прихожанъ это было ихъ родовое кладбище, ибо здѣсь, и подъ помостомъ храма, и вокругъ его стѣнъ были погребены родители, въ смыслѣ всего родства живущихъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, и скрывалась та живая, можно

---

[1]) См. указъ царя Ѳеодора Алексѣевича „о призрѣніи убогихъ и уменьшеніи нищихъ“ въ сочин. Берха „Царств. царя Ѳеод. Алекс., 1835 г., ч. II, стр. 86—100. По мнѣнію Лавровскаго („О древне-русскихъ училищахъ, Харьковъ, 1854 г., стр. 61—63) при церквахъ были особыя зданія (странноприимницы—ксеводохіи), гдѣ содержались на церковный счетъ дѣти бѣдныхъ родителей и сироты. Такъ авторъ „Степенной книги“, говоря объ утвержденіи христіанства и объ устройствѣ церкви, прибавляетъ, что пожертвованія въ пользу церкви дѣлались, между прочимъ, и „возраста ради сиротъ“. Однако ссылка Лавровскаго на уставную грамоту митр. Кипріана (А. А. Э., т. I, № II), въ которой содержится приказъ митрополита: „ходити же вси по моей грамотѣ: игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте“, врядъ ли можетъ быть принята, такъ какъ названіе „сиротъ“ часто усвоялось крестьянамъ; см. напр. посланіе св. Іосифа Волоцкаго о милованіи рабовъ, въ Доп. къ Ак. Ист., т. I, № 213.

сказать, родственная связь приходскаго населенія не только съ своимъ кладбищнымъ храмомъ, но и съ его причтомъ, и съ каждымъ дворомъ, входившимъ въ составъ прихода. Въ то время на этомъ общемъ родительскомъ кладбищѣ представлялось несравненно больше случаевъ всякое приходское дѣло дѣлать сообща, общею думою и общимъ совѣтомъ. Годовой кругъ церковныхъ служеній и церковныхъ, даже мѣстныхъ приходскихъ обычаевъ, напримѣръ родительскіе поминки, сосредоточивалъ населеніе у дверей храма, на его „монастырѣ“, какъ въ старину обозначалась мѣстность кладбища, обнесенная оградой. Часто видаясь, люди хорошо знали другъ друга и потому, какъ напримѣръ въ посадскихъ слободахъ, могли избрать и въ слободскіе и въ приходскіе старосты лицъ вполнѣ всѣмъ знаемыхъ. По тѣмъ же обстоятельствамъ прихожане съ особымъ интересомъ должны были относиться и къ составу своего причта, избирая общимъ совѣтомъ и заручною челобитною не только достойнаго священника, но и пономаря, и просвирню и сторожа. За то и попеченіе прихожанъ о своемъ причтѣ распространялось даже и на его потомство. Не только сынъ священника, но и его малолѣтній внукъ, окружались заботами о сохраненіи за ними приходскаго мѣста, съ какою цѣлью прихожане приглашали сторонняго священника, такъ сказать — воспитателя, служить въ приходѣ на время, до возраста наслѣдника прежняго настоятеля, жить въ его домѣ, и снабжать его изъ церковнаго дохода. По старымъ обычаямъ приходскія мѣста для причта были по большей части наслѣдственны и этотъ обычай несомнѣнно укоренялся именно добрыми отношеніями прихожанъ къ своему причту, такъ какъ неугодное имъ лицо, противъ ихъ желанія и воли, очень рѣдко и опредѣлялось на свое мѣсто; въ противномъ случаѣ обыкновенно всегда возникали жалобы и подавались челобитья о перемѣнѣ неизбраннаго всѣмъ приходомъ. Древняя Москва всѣми своими сословіями жила въ тѣсной общей связи, всегда по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, крѣпко охраняла свое единомысліе всѣмъ міромъ своихъ обывателей, именно во всемъ томъ, что касалось церковныхъ обычаевъ и порядковъ и всего церковнаго устройства, вѣдомаго святѣйшимъ владыкою [1]). Къ этимъ

[1]) См. Матер., часть I, предисл., стр. 59, 60, 65 и въ текстѣ, стр. 878.

словамъ нашего извѣстнаго историка о живой взаимной дѣятельности и самопомощи древне-русскаго Московскаго прихода мы, на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, можемъ добавить, что опубликованные многочисленные и разнообразные акты свидѣтельствуютъ весьма краснорѣчиво объ этой самодѣятельности и родственности прихожанъ, которые, совмѣстно съ священникомъ, постоянно участвуютъ въ устройствѣ своихъ общихъ приходскихъ дѣлъ. Такъ прихожане защищаютъ въ своихъ челобитныхъ къ царю интересы своего священника, у котораго, по сознанію прихожанъ, неправильно отмѣрили и отнимали дворовое его мѣсто подъ кладбище, или же ходатайствуютъ за овдовѣвшаго священника о представленіи ему дальнѣйшаго священствованія (о дачѣ „епитрахильной памяти)“, [1]), то устраиваютъ для избранныхъ ими причетниковъ, а также просвирни, дворовыя мѣста для жительства и совмѣстно со священникомъ хлопочатъ объ обѣленіи сего участка [2]), то наконецъ заботятся, также при участіи священника, объ устройствѣ придѣловъ (престоловъ) въ своей церкви, о ея нуждахъ, или же о постройкѣ и освященіи новой церкви [3]). Наконецъ, при томъ стремленіи къ высшему образованію, которое въ XVII вѣкѣ охватило наши свѣтскіе и духовные правящіе классы, а также и частныхъ лицъ, какъ напримѣръ бояръ Ртищева, Морозова и др., московскіе прихожане не остались равнодушными къ этому благому дѣлу, какъ свидѣтельствуетъ челобитная частныхъ людей, прихожанъ церкви Св. Іоанна Богослова, поданная ими царю и патріархамъ въ 1668 году о разрѣшеніи устроить въ своемъ приходѣ грамматическую школу. Въ этомъ письмѣ прихожанъ, между прочимъ, сказано; „Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливши вещь,

---

[1]) См. Мат., ч. I, стр. 485 и др. и ч. II, Строельная книга, № 142.

[2]) См. Матер., ч. II, Строельная кн., №№ 153, 161, Писц. кн. 194 г. № 226.

[3]) См. Матер., ч. I, стр. 358, 420—423, 449, 484, 498, 616, 628, 646, 674, 866, 876, 882, 891, 895, 902.

Въ лѣтописи цер. Св. Георгія, на Вспольи (см. Чт. Об. Ист. и Древ. Рос., 1875 г., кн. 1) говорится, что этотъ храмъ съ самаго начала своего существованія поддерживался, исправлялся и украшался единственно на мѣстныя средства и отъ вспомоществованія прихожанъ (стр. 108).

сирѣчь Словенскія грамматики училища состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную къ пресвѣтлому Царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводити". Оба патріарха восточные Паисій и Макарій и Московскій патріархъ Іоасафъ двумя грамотами утвердили сіе намѣреніе по одобреніи его царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; при этомъ патріархи указали прихожанамъ, чтобы у нихъ священнику быть ученому, могущему учить народъ, а при ихъ церкви быть школѣ Греческія и Славянскія и Латинскія грамматики, и чтобы въ церкви было пѣніе партесное. [1]).

Въ такомъ видѣ обрисовывается предъ нами древне-русскій православный приходъ въ своемъ самоуправленіи, самопомощи, въ своихъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и церковно-устроительныхъ дѣлахъ.

Можно съ полною увѣренностью сказать, что возвышавшійся крестъ на православномъ храмѣ служилъ въ старину стягомъ, подъ который съ чувствомъ самоотверженія становились добрые и благочестивые люди, и они своими тихими и незримыми для насъ подвигами, въ свою очередь, способствовали укрѣпленію православной церкви и русскаго государства, особенно въ эпоху тяжкихъ испытаній, которыхъ встрѣчалось немало на пути нашей прошлой жизни.

Приходскіе обычаи и порядки.

Теперь мы должны коснуться тѣхъ обычаевъ и порядковъ, которые были заведены нашими предками въ ихъ общинныхъ праздникахъ и пирахъ. Эти праздничныя собранія, помимо ихъ бытовыхъ сторонъ, могутъ главнымъ образомъ интересовать потому, что они всего рельефнѣе указываютъ на сплоченность и организацію церковно-приходской общины, всегда стремившейся сохранить за собою право собственности суда и самоуправленія.

Складочные пиры.

---

[1]) Письмо прихожанъ и грамоты патріарховъ находятся въ Рук Синод. биб., № 130, л. 153, 189 и 190. См. прибавл. къ Твор. св. от. 1845 г. „О духовн. училищ. въ Москвѣ, XVII вѣка", стр. 167 и 168—171, тоже см. Ист. Рос. іерар. собр. Амвросіемъ, 1807 г., ч. 1, стр. 419 и 420. Въ грамотѣ патріарха Іоасафа эта школа названа „гимнасіей" и „гимнасіономъ".

Съ незапамятныхъ временъ, въ нарочито избранные праздники, обыкновенно въ дни рождественскіе или пасхальные, а также въ дни памяти покровителя святаго, въ честь котораго была выстроена церковь (кромѣ того и въ дни родительскіе поминальные, въ дни заложенія церкви) устраивались повсемѣстно на Руси — въ городахъ и селеніяхъ — „складочные пиры“, ведущіе свое начало, быть можетъ, со временъ языческихъ. Эти праздники и поминанья, сопровождавшіеся непремѣнно такимъ пиромъ въ складчину, носили весьма понятное названіе „братчинъ“ [1]), и продолжались нерѣдко нѣсколько дней подрядъ (обыкновенно три дня); такимъ образомъ справлялись „братчины-никольщины“, „братчины-михайловщины“, „братчины-рождественскія“, „братчины-успенщины“, „братчины-покровщины“ и т. п.; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Участники такихъ пиршествъ, члены братчины, давали свою „сыпь“ натурой — съѣстными припасами, ячменемъ (и другимъ зерномъ), — солодомъ, медомъ, пивомъ; со временемъ этотъ вкладъ участника опредѣленъ былъ извѣстною суммою денегъ, которая, впрочемъ, зависѣла отъ щедротъ и достатка участника. На этихъ пиршествахъ, по старинѣ, допускались пѣсни, игры, пляски скомороховъ, стихотворцы-потѣшники (глумцы), развеселые шутники съ медвѣдями и учеными собаками, дававшіе цѣлыя сценическія представленія съ по-

[1]) О древнемъ и важномъ значеніи братчинъ въ жизни нашего народа свидѣтельствуетъ языкъ: въ извѣстной каждому поговоркѣ братчина является представительницей всякаго общаго дѣла, союза; о человѣкѣ не способномъ по своей сварливости, неуживчивости къ общему дѣлу, говорятъ: „съ нимъ пива не сваришь“. Замѣчаніе Соловьева въ его статьѣ „Братчины“, Рус. Бесѣда 1856 г., кн. IV (смѣсь). Соловьевъ предполагаетъ также что братчины ведутъ свое происхожденіе изъ временъ языческихъ, что ихъ можно разумѣть подъ языческими „законными обѣдами“. Знаменскій въ статьѣ „Прих. духов. на Руси“ (Прав. Обоз. 1866 г., сент., на стр. 10—12) указываетъ на превращеніе языческихъ пировъ въ христіанскія братчины съ тѣмъ же общественнымъ значеніемъ, и приводитъ слѣдующія народныя поговорки и пословицы: „къ пиву ѣдется“, „было бы пиво на погостѣ, а у пива будутъ гости“.

О значеніи слова „братчины“ см. Словарь рус. языка, изд. Имп. Акад. Наукъ, 1891 г.; въ особенности же Матер. для слов. древ. рус. языка, Срезневскаго, т. I, 1893 г., „Братьчина, Братьщина, братшина“ — праздничный пиръ складчиной.

реряживаніемъ и въ шутовскихъ маскахъ (личинахъ). Подъ вліяніемъ этого веселья молодежь развертывала свою удаль, боролась, бѣгала въ запуски, скакала на лошадяхъ въ перегонки, метала копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляла изъ луковъ и иногда, въ недобрый часъ, веселое собраніе кончалось общей свалкой и побоищемъ.

Въ нашихъ былинахъ сохранились воспоминанія о такихъ „братчинныхъ пирахъ". Въ Новгородской былинѣ о Василіи Буслаевичѣ поется-вспоминается о пиршествѣ такой „братчины-никольщины":

„Послышалъ Василько Буслаевичъ
„У мужиковъ Новгородскіихъ
„Канунъ варенъ, пива ячныя,
„Пошелъ Василій со дружиною,
„Пришелъ во братчину во Никольщину:—
„„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
„„За всякаго брата по пяти рублевъ".—
„А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублевъ,
„А и тотъ то староста церковный [1])
„Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
„А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
„А и тѣ то пива ячныя.
„Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
„Бросился на царевъ кабакъ,
„Со своею дружиною хораброю;
„Напилися они туто зелена вина
„И пришли во братчину въ Никольщину.

Въ другомъ варіантѣ той же былины говорится:

„Мужики Новогородчана, на питье они завидные,
„Никола Зиновьевичъ, Ѳома Родіоновичъ [2]),
„Засмѣкали они собирать братовщины Никольщины:

---

[1]) Въ первомъ изданіи (анонимномъ — Древне-рус. стихотв. Москва, 1804 г., стоитъ: „А и тутъ-та церковной староста". Вообще редакціи сихъ стихотвореній—1804 и 1818 гг.—различествуютъ. Такъ въ первой редакціи, именно 1804 года, первая строка пишется: „Послышалъ Василій Буслаевичъ"· въ 11-й: „Зачали канунъ они вареной пить"; въ 12-й: „А и тѣ то пить пива яшныя"; въ 14-й: „Онъ тутъ бросился на царевъ кабакъ"; въ 16-й: „Напились они всѣ зелена вина".

[2]) Старшины Новгородскіе и старосты въ братчинѣ.

„Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
„Накурили они зелена вина,
„Пьютъ веселятся мужики Новгородчана".

Также о такой „братчинѣ-никольщинѣ" поется-вспоминается въ другой не менѣе знаменитой былинѣ, „о Садко богатомъ гостѣ":

„И будетъ во Новѣгородѣ,
„У того ли Николы Можайскаго;
„Тѣ мужики Новогородскіе сходилися
„На братчину Никольщину,
„Начинаютъ пить канунъ [1]), пива ячныя:
„И пришелъ тутъ къ нимъ удалой добрый молодецъ,
„Удолой молодецъ былъ Волгской суръ [2]),
„Бьетъ челомъ, поклоняется:
„„А и гой вы еси, мужики Новгородскіе!
„„Примите меня во братчину Никольщину,
„„А и я вамъ сыпь плачу немалую",
„А и тѣ мужики Новогородскіе
„Примали его во братчину Никольщину.
„Далъ молодецъ имъ пятдесятъ рублевъ".

Былины приписываютъ Садко построеніе нѣсколькихъ церквей въ Новгородѣ и повѣствуютъ, что онъ, вступивъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ и на свои средства отстроилъ съ особеннымъ великолѣпіемъ церковь Николы Можайскаго, которая именуется его „приходомъ":

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
„Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
„Того Николу Можайскаго".

---

[1]) По толкованію проф. Голубинскаго. (Ист. рус. цер., т. I, ч. I, стр. 441) „дни предшествующіе праздникамъ получили у насъ названіе „кануновъ" (даръ) отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вслѣдъ за Греціей, обычай приносить на вечерни въ эти дни вмѣстѣ съ кутьей въ честь праздниковъ или святыхъ, брашна и овощи въ даръ священникамъ, которые пѣли надъ нимъ заздравный молебенъ, называвшійся также кануномъ. Братчинное пиво называлось кануномъ. Въ Акт. Арх. Эксп., т. I, № 234 (стр. 237) говорится: „а которымъ людемъ лучится къ празднику канунъ сварити".

[2]) Волгской суръ значитъ герой повольницы, пускавшейся по Волгѣ, за добычей и воинской славой.

Въ повѣсти объ „Аникѣ-Воинѣ“, издревле ходившей въ народѣ, также упоминается о стародавнемъ обычаѣ „читать канонъ празднику“, то есть сообща праздновать, собирать пиръ и варить для этого пива ячныя. Аника-Воинъ, принадлежащій къ циклу богатырей до-татарскаго времени, ѣздя по полю по пути къ Іерусалиму, повстрѣчалъ смерть, и сначала дивился этому чуду, смѣялся и пугалъ его, но потомъ скоро ослабѣлъ и сталъ умолять смерть дать ему отсрочку, обѣщая снять ея ликъ на икону, поставить въ церковь во соборну:

„Будемъ мы тебѣ поклаяться
„И будемъ тебѣ всѣ покоряться
„Будемъ тебѣ молебны исправляти
„И будемъ въ канонѣ тебѣ читати“.

Смерть все отвергла и сказала:

„Рабъ человѣкъ, Аника-Воинъ,
„Нельзя мнѣ во церкви стояти
„Нельзя мнѣ молебны исправляти
„Нельзя мнѣ въ канонъ читати“.

При этомъ смерть замѣчаетъ, что она застигаетъ всюду человѣка и при церкви соборной, при торгу при базарѣ, при пиру, при бесѣдѣ [1]).

Такія братчины справлялись по деревнямъ и мѣстечкамъ несомнѣнно въ тѣхъ трапезахъ, о которыхъ выше было упомянуто. Для варенія общественнаго „молебнаго“ пива и меда при церквахъ и часовняхъ существовали особые мѣдные котлы, ведеръ въ 20-ть, и чаши (братины), находившіеся въ завѣдываніи церковнаго старосты и, въ частности, трапезника, на котораго, какъ мы видѣли, возлагалась обязанность собирать это „сыпное мірское“ (хлѣбъ, солодъ, хмѣль) съ прихожанъ [2]). Иногда въ приходѣ устраивалась

[1]) Былины эти приведены: изъ сборника Кирши (Кирилла) Данилова, Москва 1818 г., (Древ. россійс. стихотв., 2 изд.), стр. 76, 270, 271; изъ пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ, 1863 г., часть II, стр. 4 (тоже стр. 11), 46, 51 и ч. I, вып. IV, стр. 125 и слѣд.—См. Снегирева, Рус. простон. праздн. вып. IV, стр. 83. Описаніе братчины находится также въ повѣсти: „Горе-Злочастіе“, помѣщенной въ Памятн. старин. рус. литер., изд. подъ редакціей Костомарова, 1860 г., вып. первый.

[2]) Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, былъ сосудъ, предназначенный для братской товрищеской попойки, на подобіе горшка съ пок-

особая пивная поварня, снабженная необходимой посудой. Это пиво (брагу) или медъ носили предварительно въ церковь для освященія, почему оно и называлось „молебнымъ“, и кромѣ того, по тому празднику, къ которому оно готовилось, называлось еще „никольскимъ, покровскимъ“ и т. п. Ѣда приготовлялась тоже въ складчину и обыкновенно, по отходѣ обѣдни и послѣ благословенія священникомъ яствъ и питій, прихожане вмѣстѣ съ женами усаживались по кругамъ (человѣкъ по тридцати въ кругу) и принимались за свое мірское угощеніе.

Судъ братчины.

На собранія братчинъ приглашались въ качествѣ гостей и постороннія, нерѣдко почетныя, лица (даже князья), такъ что въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними заурядъ, а равно и должностныя лица [1]). На этихъ праздничныхъ собраніяхъ старшими членами общины обсуждались не только церковно-приходскія дѣла, но также и другія общественныя, промышленныя и торговыя дѣла и предпріятія, причемъ къ сроку собранія братчины пріурочивались разные разсчеты и платежи. Всѣ условія такихъ продолжительныхъ и организованныхъ въ опредѣленномъ помѣщеніи собраній придавали этимъ собраніямъ выдающееся общественное значеніе въ обиходѣ древне-русской жизни. Въ братчинахъ, собиравшихся въ опредѣленномъ личномъ составѣ постепенно вырабатывались свои правила и порядки и братчики старались охранить и оградить внутреннюю жизнь своего собранія, свои обычаи и обряды, отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Продолжительность празднованія и сложное устройство братскихъ складочныхъ пировъ вызвали потребность въ руководителѣ праздника и такимъ руководителемъ сталъ тотъ же церковный староста, который на это время

рышкой. Изъ нихъ пили черпая чумками, черпальцами и ковшами; на братинахъ чаще всего были узоры и травы. Любопытно, что въ древней русской кухнѣ пеклись изъ толченой муки калачи называвшіеся братскими, а также караваи братскіе. См. Костом. Очер. домаш. жизни, стр, 80, 82, 115, 117.

[1]) На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица; „пиръ на весь міръ“; тамъ были и воеводы, и дьяки и люди торговые, и простые посадскіе, или уѣздные; См. повѣсть „Горе-Злочастіе“, въ Памятн. старин. рус. литер., 1860 г., вып. I.

превращался въ „пироваго старосту“, а пирующіе братчики получили характерное названіе „пивцовъ“ („пировлянъ“, „пировщиковъ“) [1]“. Сначала братчины пріобрѣли естественнымъ путемъ право надзора за благочиніемъ и тишиной на многолюдныхъ своихъ собраніяхъ, при обязанности „пироваго старосты“ съ нѣкоторыми „пивцами“ мирить ссорящихся, а затѣмъ, при господствѣ въ старину общинныхъ началъ, постепенно укрѣпилось за братчинами и право суда надъ лицами, совершавшими во время собранія буйства, безчинства и покражи.

Въ судныхъ граматахъ XIV и XV вѣковъ встрѣчается слѣдующая выработанная юридическая норма: „братчина судитъ, какъ судьи“. Эта норма помѣщена въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ также предписывается всякому псковитянину, у кого, между прочимъ, случится кража во время пированія (въ братчинѣ), объявлять объ этомъ „пировому старостѣ“, или „пивцамъ“ („а въ пиру ино къ пировому старосте, или пивцамъ явити...“) [2].

---

[1]) Въ изданной Мурзакевичемъ Псковской Судной Грамотѣ помѣщенъ въ концѣ пояснительный словарь, и на стр. 11 дается такое опредѣленіе „пировому старостѣ“: „выборный, завѣдывающій складчиною „прихожанъ“ на „братчину“, то есть варку пива, меда или браги, по случаю храмоваго приходскаго праздника (Рожествена, Никольщина).

Бестужевъ Рюминъ (Рус. ист., т. I, стр. 469) замѣчаетъ: „пиры и братчины устраивались приходомъ въ храмовые праздники“.

Въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій (Рус. Ист. Биб., т. XIV за № 269, стр. 617) указывается на роль „пироваго старосты“ при такихъ общественныхъ собраніяхъ. Актъ относится къ 1615 году.

[2]) „А братьщина судить (ъ), какъ судьи“; Мурзакевичъ, Псковская Судная Грамота, стр. 15, 2 изд. 1868 г.—Тамъ же помѣщено правило о примиреніи безъ уплаты судебныхъ пошлинъ: „А кто съ кимъ побьется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости „на пиру“, или гдѣ индѣ, а только приставомъ не позовутся, а промежъ себѣ прощенье возмутъ, ино ту князю продажи нѣтъ“ (стр. 11). Въ позднѣйшихъ уставныхъ грамотахъ дѣла о побояхъ, учиненныхъ на братчинныхъ сходкахъ и пирахъ, тутъ же полюбовно оконченныхъ, тоже освобождались отъ подсудности намѣстникамъ и признавались относящимися до компетенціи братчинныхъ судовъ. Если ссора, начавшись въ братчинѣ, даже и внѣ ея, окончилась миромъ, то и тогда княжескіе чиновники не могли взыскивать судебныхъ пошлинъ, и только приставъ получалъ „хоженное“, если былъ призванъ. См. напр. уставную Двинскую грамоту Великаго князя Василія Дмитріевича отъ 1398 г. (№ 13, Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, тоже № 150).

При томъ довѣріи вообще къ общинѣ, которое выказывалось ей со стороны великихъ князей и царей, и которое, какъ было выше сказано, выражалось предоставленіемъ многимъ общинамъ по особымъ жалованнымъ грамотамъ права суда чрезъ своихъ излюбленныхъ судей, даже надъ лихими людьми (разбойниками, грабителями и душегубцами)—съ устраненіемъ при этомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ правительственнаго суда (намѣстниковъ, волостелей и ихъ помощниковъ-тіуновъ),—весьма естественно, что односельчане, соединявшіеся въ своихъ погостахъ, при мѣстныхъ церквахъ, въ приходскія общины, въ братчины, пріобрѣтали, въ лицѣ своихъ избранныхъ людей, право надзора и суда надъ лицами, производившими смуты и раздоры во время сходокъ братчиковъ. Конечно такой судъ братчинъ былъ судомъ по преимуществу примирительнымъ по дѣламъ маловажныхъ правонарушеній (ссоръ, обидъ словомъ и дѣйствіемъ, мелкихъ кражъ), учиненныхъ тутъ же на мѣстѣ, во время собранія, и которыя можно было покончить примиреніемъ, или же уплатою обиженному пени. Судъ братчинъ, какъ судъ мировой, являлся относительно проступковъ, совершенныхъ въ братчинныхъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе желательнымъ и подходящимъ, что въ большинствѣ случаевъ проступки эти учинены были въ нетрезвомъ видѣ, служившемъ въ старину обстоятельствомъ смягчающимъ наказаніе, а также иногда влекущимъ за собою и легкость примиренія между тяжущимися сторонами. Къ этому суду братчинъ, вѣроятно, народъ охотно прибѣгалъ также въ видахъ избѣжанія уплаты тяжелыхъ судебныхъ пошлинъ, налагаемыхъ княжескими чиновниками.

Правительственная охрана интересовъ братчины.

До насъ дошелъ изъ глубокой древности цѣлый рядъ уставныхъ грамотъ, жалованныхъ повсемѣстно въ Россіи, разнаго рода сельскимъ и городскимъ общинамъ, большимъ и малымъ, и изъ этихъ грамотъ усматривается съ какимъ довѣріемъ высшее правительство относилось къ крестьянамъ и простымъ горожанамъ, дозволяя имъ, по ихъ вѣковому обычаю, составлять сходки и собранія для совокупныхъ дѣлъ и совокупнаго празднованія, и какъ старательно оно оберегало проявившуюся издавна въ народѣ потребность обходиться въ маловажныхъ случаяхъ собственнымъ судомъ и расправой; при этомъ весьма примѣчательно то, что

высшее правительство оберегало эти братчинныя права отъ своихъ же собственныхъ чиновниковъ, которыхъ волокита въ дѣлахъ и всякаго рода злоупотребленія власти, а въ особенности несправедливые и чрезмѣрные поборы съ народа, ему были хорошо извѣстны. Такъ, въ этихъ грамотахъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяется запрещеніе всякаго рода княжескимъ чиновникамъ ѣздить на братчины незванными. Кто же изъ этихъ чиновниковъ ослушается этого приказа и пріѣдетъ непрошенный и незванный на братчину и станетъ пировать и пить насильно, тотъ обязывался, безъ суда и безъ слѣдствія, платить вдвое за всякое лихо, которое произойдетъ на братчинѣ и, сверхъ того, подвергался наказанію и денежному взысканію по приговору великокняжескаго суда. Вотъ въ какихъ именно выраженіяхъ писался въ старинныхъ грамотахъ этотъ запретъ: „А на пиры и въ братчины не ходитъ незванъ никто (въ другихъ грамотахъ прямо перечислялись:—тіуны и иные намѣстничьи люди и волостелины и боярскіе люди, и воротники), а кто къ нимъ придетъ въ пиръ, или въ братчину, пити незванъ и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ учнетъ пити сильно (то есть насильно). а учинится у нихъ въ томъ пиру или въ братчинѣ какова гибель, и язъ ту гибель велю на томъ взяти безъ суда и безъ исправы“ (то есть безъ слѣдствія); въ другихъ грамотахъ значится: „и тому та гибель платити вдвое“; въ многихъ грамотахъ въ концѣ помѣщались еще слѣдующія слова: „а отъ меня отъ Великаго Князя быти (ослушнику) въ казнѣ (и) и въ продажѣ“ (то есть пени). Въ нѣкоторыхъ великокняжескихъ грамотахъ прямо указывалось, что отъ этой ѣзды незванныхъ на пиры и въ братчины „чинилось душегубство и татьба, и иныхъ лихихъ дѣлъ много“ [1]).

---

1) Весьма примѣчательно, что эти правительственныя запрещенія ходить безъ зова въ братчину нашли себѣ отголосокъ въ нашей древней духовно-назидательной литературѣ. Такъ въ книгѣ „Пчела“ 1623 года, на листѣ 217, встрѣчается такой совѣтъ: „а незванъ въ пиръ не ходи, аще сваришися въ немъ, и начнеши на чашника жаловатися, глаголюще лихою ми еси рукою далъ пити“. См. Горскій и Невоструевъ. Описан. слав. рукоп. Моск. Синод. Биб. № 314, стр. 562. Нахожденіе при пирѣ „чашника“ весьма любопытно для подробнаго выясненія организаціи этого мірскаго учрежденія. Въ медовыхъ братствахъ западной Россіи также постоянно

Заботливость великокняжескаго правительства въ огражденіи интересовъ крестьянъ и вообще простолюдиновъ, отъ своеволія чиновниковъ, которые, въ качествѣ незванныхъ гостей, пріѣзжали на народные праздники не столько для пированія и дароваго угощенія, сколько съ цѣлью взысканія разныхъ поборовъ съ братчинъ, деньгами и натурой, простиралась даже до того, что особыми запрещеніями сдерживался этотъ произволъ и званныхъ. Въ приведенной выше грамотѣ (Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича отъ 29 Іюля 1509 года) говорится далѣе: „а кто изъ братчинъ позоветъ къ себѣ тіуна или доводчика (сыщика или слѣдователя) пити въ пиръ или въ братчину, и они пивши, да тутъ не ночуютъ, а ночуютъ въ иной деревнѣ, а насадокъ изъ пировъ и изъ братчинъ у нихъ не емлютъ“ [1]). Послѣднія слова грамоты указываютъ на то, что обыкновенно съ братчинъ

встрѣчаются при братскихъ пиршествахъ „ключники“, то есть тѣ же „чашники“.

[1]) Свѣдѣнія о правительственныхъ распоряженіяхъ въ отношеніи братчинъ почерпнуты изъ уставныхъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи, изд. Имп. Акад. Наукъ 1836 г., причемъ обращено было особенное вниманіе на слѣдующіе акты: т. I: №№ 11 (1391 г.) „а въ которое село пріѣдетъ игуменъ въ братчину и сыпци даютъ по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ“, 50 (1453 г.); 72 (1462 г.); 102 (1476 г.); 103 (прежде 1477 г., запись Новгородская о церковномъ судѣ, въ которой встрѣчается тоже выраженіе: „братщина судитъ какъ судьи“: 114 (1485 г.); 122, 123 (1488 г.): 139 (1504 г.); 143 и 144 (1506 г.); 150 (1509 г.); въ этой грамотѣ, между прочимъ, сказано: „а въ пиру или въ братчинѣ посварятся или побьются, а не вышедъ изъ пиру помирятся, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего, а вышедъ изъ пиру помирятся за приставомъ, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего, опричь хоженого“: 159 (1515 г.); 171 (1522 г.); 181 (1536 г.); 183 (1537 г.); 234, 240 (1554 г.): 324 (1584 г.); 329 (1585 г.); 348, 357 (1593 г.); т. Ш: 133 (1623 г.); 139 (1623 г.); 217 (1548 г.).

См. Описан. Государ. Арх. стар. дѣлъ; составленное П. Ивановымъ (Москва, 1850 г., стр. 209); грамота вел. кн. Василія Васильевича (23 Февраля 6961 г.) о томъ, что-бы въ митрополичьи села на пиры, братчины и праздники никто незванный не ѣздилъ, съ указаніемъ, что отъ этой ѣзды бываетъ много лихихъ дѣлъ.

См. также Акты относящ. до юрид. быта древн. Россіи, изд. Арх. Ком. 1857 г., т. I № 38, стр. 126: 1462—1478 г., Грам. жалов. на непринятіе незванныхъ людей на пиры, братчины и праздники.

См. также акты историческіе, изд. Арх. Ком., т. I: №№ 59 (1455—1462 г.) 74, 109, Ш, 125, 137.

взыскивались разные пошлины и поборы (въ пользу должностныхъ лицъ, помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ), отъ которыхъ великіе князья особыми грамотами освобождали нѣкоторыя волости [1]). Общимъ обыкновеніемъ было, что чиновники, пріѣзжая на братчины, содержались на счетъ крестьянскаго общества вмѣстѣ съ своими людьми и сверхъ того брали съ него пошлину. Эта пошлина взыскивалась на томъ основаніи, что для своего мѣстнаго праздника братчина, какъ мы видѣли, въ складчину цѣлымъ селомъ или деревней варила пиво и медъ, а это право варенія и куренія вина и спиртныхъ напитковъ и продажу ихъ казна всегда присваивала исключительно себѣ, и разрѣшала это вареніе частнымъ лицамъ и обществамъ подъ условіемъ уплаты акциза („капщизны"—на западѣ Россіи и въ Польшѣ), и только дворянамъ и служилымъ людямъ разрѣшалось варить пиво и медъ для собственнаго употребленія („про себя" или „про свою нужу") [2]). Подъ словомъ „насадокъ", употребленномъ въ грамотѣ, и надо понимать опредѣленную пошлину съ приготовленныхъ питей, которая взыскивалась натурой (ведрами), или же опредѣлялась деньгами [3]); приготовленіе же народомъ напитковъ разрѣшалось особыми постановленіями только въ опредѣленные дни въ году, какъ напримѣръ: къ Пасхѣ, къ Дмитровской субботѣ, къ Николину дню и къ Масляной, да и то указывалось сколько именно дней вольно было потреблять эти

---

[1]) Въ уставной грамотѣ царя Ивана Васильевича говорится: „А у кого будетъ на погостѣ или въ волости пиръ или братчина, и онъ несетъ тіуну насадку питья ведро, какое питье, да хлѣбъ, да куря у него лучится. А не люба будетъ насадка питья и хлѣбъ и куря, и они дадутъ за питье деньгу, за хлѣбъ деньгу, за куря деньгу. А тіуномъ и другимъ намѣстничимъ людемъ на пиръ и на братчины незваннымъ къ нимъ не ѣздити, опричь доводчика (то есть пристава или посыльнаго сыщика при судьѣ, а иногда въ значеніи доносчика и доказателя) Рус. Достопамят., ч. I, стр. 130.

[2]) См. Акты Арх. Эксп., т. III, № 146 (1623 года). „Да и самимъ излюбленнымъ головамъ питья на продажу не держати". (См. устав. Важскую грамоту 1552 г. въ Актахъ Арх. Эксп., т. I, № 234 (стр. 237); См. также грам. царя Василія Ивановича Шуйскаго въ Пермь великую, Востокова, Опис. рук. Румянц. музея, стр. 71.

[3]) Ibid, т. I, № 348 (1590 г.); „прикащику Троицко-Сергіева монастыря съ братчинъ имати по двѣ денги".

питіи („а пити три дня“) [1]). Обыкновенно съ братчинъ шло волостелю (вѣроятно и намѣстнику въ городахъ), два раза въ годъ съ приготовленныхъ напитковъ, къ Пасхѣ и къ Николину дню—„по насадкѣ (ведру) пива“—„а не люба насадка—алтынъ“. Изъ этихъ правилъ мы видимъ, что освобожденіе братчинъ отъ уплаты этихъ пошлинъ и предоставленіе имъ въ извѣстные дни въ году и въ храмовые праздники варить безпошлинно пиво, медъ и брагу было большою льготою. Кромѣ того братчинамъ дозволялось приглашать на свои праздники скомороховъ „веселыхъ молодцевъ“, которымъ однако въ грамотахъ запрещалось самовольно являться на праздникъ безъ приглашенія братчинъ [2]). Скоморохи, ходившіе изъ села въ село большими ватагами человѣкъ въ 50, 70 и 100, составляли неизбѣжную принадлежность пиршествъ и обрядныхъ торжествъ языческой Руси, и понятно, что правительственная власть, согласно указаніямъ духовенства, старалась по возможности ослабить языческія народныя привычки, а потому и издавало стѣснительныя правила для скомороховъ [3]).

Надо вообще замѣтить, что съ укрѣпленіемъ христіанства на Руси, когда пастыри церкви возвысили свой авторитетный голосъ противъ остатковъ язычества, противъ „игръ и позоровъ бѣсовскихъ и плясокъ срамныхъ“ [4]), раз-

---

[1]) См. Акты Арх. Эксп., т. I, № 234 (1552 года) и т. III, № 37 (XVII вѣкъ).

[2]) См. о запрещеніи этихъ безчиній въ Стоглавѣ, изд. Прав. Собесѣд. 1862 года, Казань, стр. 181.

[3]) См. подробности о внутренней жизни братчинъ и отношеній, въ которыхъ онѣ стояли къ мѣстной власти, въ стат. А. Попова, „пиры и братчины“, помѣщенной въ Архивѣ ист. юрид. свѣд. отн. до Россіи, изд. И. Калачова, т. II, стр. 30 и послѣдующія.

См. также стат. И. И. Малышевскаго, О церковно-приходскихъ попечительствахъ (Правосл. Обозр., Февраль 1878 г.). Онъ замѣчаетъ: „Чувство братскаго сближенія подъ вліяніемъ новой вѣры участвовало и въ развитіи братчинъ въ русскихъ приходскихъ общинахъ. На братскую складку устраивался общій праздничный обѣдъ или трапеза, часть изъ складочнаго сбора шла на церковь, часть удѣлялась бѣднымъ. На братчинахъ за круговыми чашами пѣлись тропари въ честь праздника, святаго, за князя, за міръ. Иногда могли здѣсь, какъ на древнихъ аганахъ, пѣться и свои духовные стихи, какъ намекаетъ начало одного поученія о застольныхъ тропаряхъ: „Трапеза ставится, Христосъ Богъ славится“.

[4]) См. въ Стоглавѣ (изд. Прав. Собес. 1862 г., Казань), стр. 178–192;

гулъ, сопровождавшій обыкновенно языческія празднества ослабѣвалъ понемногу, и наши братчины, образовавшіяся на церковной почвѣ, уже являлись понемногу очищенными отъ языческихъ суевѣрій и обрядностей; общественныя увеселенія, пріурочиваемыя къ святымъ днямъ, теряли постепенно свой прежній языческій колоритъ. Конечно братчинные пиры сопровождались излишествами въ ѣдѣ и питьѣ, но во всякомъ случаѣ это излишество не вмѣнялось участвующимъ въ обязанность, какъ во времена языческія, когда требовалось объѣдаться на священныхъ пирахъ и воздержанность почиталась за стыдъ. У древнихъ приходскихъ общинъ, какъ мы видѣли выше, церковно-религіозные интересы ставились на первомъ планѣ. Устраивая по праздникамъ свои братчинныя пиршества, эти общины по установившемуся христіанскому обычаю, заключавшемуся въ удѣленіи при общественномъ пированіи милостыни убогимъ и нищимъ, не забывали въ свою очередь дѣлъ христіанскаго милосердія [1]). По стародавнему порядку наши

особенно въ статьѣ „О игрищахъ еллинскаго бѣснованія“, стр. 390—402. См. правило митроп. Кирилла, въ Рус. Достопамят., ч. I, стр. 114.

Въ особенности любопытно имѣть въ виду подробный перечень народныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, помѣщенный въ Царской грамотѣ 1648 года (См. Опис. госуд. арх. стар. дѣлъ, состав. П. Ивановымъ, Москва, 1850 г., стр. 296—299), а также подобная грамота, посланная въ Тобольскъ и другіе города Сибири, въ Акт. Ист., т. I, № 35.

Правилами 55 Лаодикійскаго и 71 Карѳагенскаго соборовъ христіанамъ запрещалось устройство такихъ складочныхъ пировъ см. Правила св. помѣст. собор., 1880 г., стр. 272, 273, 569 и 571. Въ Славянской кормчей, въ правилѣ 60 говорится: „въ памяти святыхъ при церквахъ сходящіися людіе на молитву пированія да не творятъ ни игралищъ, ни боевъ. Сія бо еллинска суть, а не христіанска“.

[1]) См. объ обычаѣ нашихъ великихъ князей раздавать милостыню при пированіи, напр. у Макарія, Ист. рус. цер., т. III, стр. 267 и послѣд., у Снегирева, Русск. простонар. празд., т. I, стр. 194, 196. См. въ особенности о времени Св. Владиміра въ Лаврентьевой лѣтописи (П. С. Р. Л., т. I, стр. 53 и 54). Изъ этой лѣтописи усматривается, что пиры великаго князя Владиміра пріурочивались къ церковнымъ торжествамъ—особенно при поставленіи новой церкви—и сопровождались обильнымъ удѣленіемъ средствъ на нужды церкви, а также широкой раздачей милостыни бѣднымъ и убогимъ, не только пришедшимъ ко двору княжескому, но и тѣмъ, которые, по немощи, оставались въ домахъ, этимъ послѣднимъ княжеская милостыня, состоявшая изъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей, меда и кваса, развозилась по городу.

братчины продолжали для пировъ сытить медъ и варить пиво, но старались приготовить напитковъ побольше, а выпить поменьше; остатокъ этотъ предназначался въ продажу, а вырученныя деньги поступали на нужды церковныя, на дѣла благотворительныя, а оставшійся отъ сыченія меда воскъ шелъ на церковныя свѣчи

Братчины суть организованные церковно-приходскіе союзы.

Свѣдѣнія о древне-русскихъ братчинахъ постоянно появляются въ древне-русскихъ актахъ, начиная съ XII и кончая XVII столѣтіемъ, и указываютъ на сильную сплоченность нашихъ церковно-приходскихъ общинъ. Опираясь на эти многочисленныя историческія свидѣтельства, можно, кажется, съ достаточною увѣренностью заключить о томъ, что существованіе такихъ братчинъ указывало вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что въ этой мѣстности были образованы церковные православные союзы при мѣстныхъ приходскихъ храмахъ, съ выбранными церковными старостами во главѣ приходскаго самоуправленія, съ возложеніемъ на всѣхъ прихожанъ обязанности заботиться о нуждахъ своей церкви и оказывать попеченіе ютящимся около храмовъ мѣстнымъ бѣднымъ, больнымъ, дряхлымъ и увѣчнымъ, съ правомъ примирительнаго суда и расправы надъ провинившимися сочленами, съ неизбѣжными складочными пирами въ дни большихъ праздниковъ, а также въ дни мѣстныхъ храмовыхъ.— Эти церковно-приходскіе союзы являлись весьма полезными для церкви учрежденіями и были отнюдь не случайными и рѣдкими явленіями въ нашей древней жизни, а напротивъ повсемѣстно составляли, какъ бы неизбѣжную и характерную принадлежность древне-русскаго быта. Такъ, изъ указанныхъ грамотъ и изъ другихъ источниковъ, о которыхъ рѣчь ниже, мы видимъ въ глубокую древность такія братчины повсюду: въ земляхъ Новгородскихъ, Псковскихъ, Московскихъ, Полоцкихъ и прочихъ частяхъ западной Россіи, въ городахъ Владимірѣ, Угличѣ, Ярославлѣ [1]), въ кре-

---

[1]) См. Временникъ Имп. Моск. общ. ист. и древ. Россійскихъ, 1850 г., кн. VII, смѣсь, стр. 67. Слѣдственное дѣло объ убійствѣ во время братчины. Донесеніе Ярославскаго губнаго старосты царю Михаилу Ѳеодоровичу.— см. опис. церк. слав. и рус. рукоп. сборн. Имп. Публ. библ., ч. I (1882 г.), № XLVIII: Явочная челобитная унжанина Понизовской волости, Ивашки Семенова сына Шеина, поданная въ 1611 году, послѣ Дмитріевскихъ суб-

стьянскомъ быту и у горожанъ Бѣлозерскаго края (Заозерье, Московскаго княжества, въ XV вѣкѣ) у рыболововъ Переяславскихъ (на озерѣ Переяславлѣ, во Владимірской области), въ краѣ Онѣжскомъ у Онѣжанъ, у горожанъ Устюжскихъ, въ волостяхъ Двинскихъ (у Холмогорцевъ, Унянъ и Ненокшанъ), у разныхъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ, въ томъ числѣ у бобровниковъ (занимавшихся бобровымъ промысломъ) въ разныхъ волостяхъ и мѣстечкахъ русскаго государства.

Неразработанность въ исторической литературѣ интересной темы о жизни и дѣятельности древняго прихода не дозволяетъ съ желательной полнотой освѣтить со всѣхъ сторонъ также и того положенія и значенія, которыя пріобрѣли братчины въ народной жизни; но и тѣ небольшія и бѣглыя изысканія, которыя сдѣланы на предъидущихъ страницахъ, дозволяютъ съ нѣкоторою положительностью утверждать, что братчины, въ смыслѣ „повольныхъ союзовъ прихожанъ“, зародились въ незапамятную древность въ нѣдрахъ церковно-общинной жизни и, получивъ отъ христіанства высшую цѣль и содержаніе для своей дѣятельности, пріобрѣли многознаменательное и плодотворное значеніе въ древней церковно-общественной жизни. На востокѣ Россіи и въ средней ея полосѣ закрѣпощеніе крестьянъ сильно придавило ихъ самобытную общественную жизнь, а расколъ направилъ религіозныя и церковныя потребности нѣкоторой части нашего народа по ложному пути, а потому и церковно-приходская жизнь не получила дальнѣйшаго своего развитія; на западѣ же Россіи, хотя закрѣпощеніе народа было и не менѣе сильно, но за то особыя политическія обстоятельства, при извѣстной свободѣ тамошней городской жизни, вызвали къ бытію и къ необычайной дѣятельности православные церковно-приходскіе союзы, явившіеся съ характеромъ болѣе постояннымъ и устойчивымъ, нежели тѣ, которые были на востокѣ. При изложеніи историческаго очерка о дѣятельности этихъ союзовъ въ сѣверо и юго-западной Россіи мы постараемся указать, какія громадныя силы таились въ этой несложной по формѣ, но крѣпкой по духу, церковно-общественной организаціи.

ботъ, на Козму Дубнишнаго, который, бывъ на братчинѣ у Шеина, испортилъ у него женишку его Акулину Игнатьеву „сердечною порчею“.

Изъ эпохи болѣе отдаленной сохранилось весьма мало свѣдѣній о такихъ братчинныхъ союзахъ, которые по своей дѣятельности выдѣлялись между остальными и оставили слѣды своего существованія въ исторіи; мы разумѣемъ здѣсь такіе союзы, которые будучи территоріально связанными „приходомъ“ въ одно цѣлое, преслѣдовали въ обширномъ видѣ свои религіозно-церковные интересы, такъ равно и тѣ, которые составлялись напримѣръ лицами, связанными по торговлѣ, и которые ограничивали свою дѣятельность заботами о нуждахъ какого-либо храма. Недостатокъ историческихъ данныхъ о древнихъ приходскихъ союзахъ дѣлаетъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя сохранились о нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма цѣнными.

Иванская церковно-приходская община въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ.

Обращаясь къ сѣверноруссскимъ народоправствамъ, къ Новгороду и Пскову, мы находимъ въ древнихъ актахъ нѣкоторыя подробности о церковно-приходскихъ союзахъ, существовавшихъ въ весьма отдаленную эпоху въ этихъ областяхъ. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить Новгородскую церковно-приходскую купеческую общину, которая уже въ 1134 году существовала при церкви святаго великаго Ивана на Опокахъ, или на Петрятинѣ дворищѣ, что на Торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ. Эта церковь въ честь св. Іоанна Предтечи была выстроена въ 1130 году благочестивымъ великимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ (причисленнымъ на Соборѣ въ Москвѣ въ 1549 году къ лику святыхъ). Эта церковь была снабжена и украшена иконами и Евангеліемъ многоцѣнными, и „всѣми книгами исполнь“, и при ней состоялъ многочисленный причтъ. Съ цѣлью увеличить церковные доходы, великій князь Всеволодъ дозволилъ устроить въ притворѣ церкви вѣсы для взвѣшиванія товаровъ и взиманія за то пошлинъ [1]). Кромѣ того вокругъ церкви отведенъ былъ участокъ земли, который отдавался подъ торгъ за плату, и деньги эти тоже шли на церковь. Благоустройство церкви и всѣ заботы о правильномъ поступленіи церковныхъ доходовъ, а равно и содержаніе многочисленнаго причта было возложено великимъ княземъ, главнымъ образомъ, на мѣстное купечество Иванское, которое по своей внутренней

[1]) Тутъ производилась оптовая обще-русская торговля воскомъ.

организаціи напоминало „гильдейскій союзъ“; въ купечество Иванское [1]) вступали лишь тѣ торговцы, которые уплачивали предварительно купечеству извѣстную сумму денегъ (50 грив. серебр.) [2]), изъ которой половина шла на нужды церкви. Отдавая на попеченіе купеческаго товарищества заботы о церкви, великій князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставилъ въ этомъ дѣлѣ участіе и другимъ классамъ населенія; такъ къ двумъ купецкимъ церковнымъ старостамъ (изъ пошлыхъ купцовъ), житіи люди (зажиточные горожане) ставили своихъ трехъ старостъ, а что всего замѣчательнѣе въ организаціи этой церковной общины это то, что черные люди (простолюдины) также имѣли своего представителя въ этомъ общемъ церковномъ дѣлѣ, именно своего „тысяцкаго“. Иванская церковная община во всѣхъ своихъ церковныхъ и торговыхъ дѣлахъ была ограждена уставною грамотою великаго князя Всеволода отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла со стороны Новгородскихъ посадниковъ и бояръ; именно въ грамотѣ сказано: „управливати имъ (то есть старостамъ) всякія дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый“, а „поповъ и дьякона и дьяка и сторожовъ призирати старостамъ и купцемъ“. Ближайшихъ свѣдѣній о дѣятельности этого церковнаго общества и его старостъ, къ сожалѣнію, не сохранилось, но до насъ дошло описаніе того, какъ справляла эта братчина свой храмовой праздникъ, то есть день рождества св. Іоанна Крестителя. Изъ церковной казны отпускалась довольно большая сумма денегъ (25 грив. серебр.) на праздникъ, который продолжался три дня, а старосты купеческіе выдавали 70 свѣчей и ладанъ. Въ первый день праздника служилъ самъ Новгородскій владыка, во второй—одинъ изъ архимандритовъ Новгородскихъ, а въ третій — игуменъ Антоніевскаго монастыря.

---

[1]) Пошлые иванскіе купцы.

[2]) Гривна серебра XII вѣка равнялась приблизительно 18 рублямъ нынѣшнимъ, причемъ надо принять, что теперешнія деньги дешевле прежнихъ въ 7 разъ (приблизительно), а потому вкладъ этотъ представлялся весьма значительнымъ и Лешковъ опредѣляетъ его около 6,000 рублей. См. Лешковъ, Рус. нар. и госуд., Москва, 1858 г., стр. 394–397. Сравни Прозоровскаго, Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, 1865 г., стр. 178—184.

На праздникѣ присутствовали важнѣйшія правительственныя власти города. Всѣ перечисленныя духовныя лица получали отъ этого древнѣйшаго нашего церковнаго братства денежныя суммы; такъ владыкѣ полагалась гривна серебра; кромѣ того этимъ же духовнымъ лицамъ, а также присутствовавшимъ на праздникѣ властямъ, шли богатые подарки, какъ-то: куски заграничныхъ суконъ. Весьма также характерно, что всѣ эти духовныя и должностныя лица, приглашенныя на праздникъ, сами должны были давать „по старинѣ“ положенное съ каждаго число пудовъ меда „на подсыту“, или „на подсласту“, то есть для варенія меда, распиваемаго на праздникѣ.

На подобіе Новгородскихъ купеческихъ товариществъ были такія-же торговыя общества въ городѣ Псковѣ, въ гор. Руссѣ, въ городѣ Торжкѣ, въ Заволочьѣ (то есть въ Двинской области, включавшей въ себѣ всѣ земли къ сѣверовостоку отъ Бѣлаго озера). Эти товарищества, кромѣ своихъ купеческихъ дѣлъ, несомнѣнно также включали въ кругъ своихъ общихъ обязанностей и дѣла церковныя, такъ какъ многія изъ нихъ сооружали или поддерживали на свои средства церкви, въ которыхъ устраивали особые подвалы или ниши для храненія товаровъ; такъ въ городѣ Псковѣ такою церковью, построенною мѣстнымъ купечествомъ въ XIV вѣкѣ, и состоявшею на его попеченіи, былъ храмъ св. Софіи, а въ городѣ Руссѣ новгородскіе купцы прасолы построили въ 1404 году каменную церковь Св. Бориса и Глѣба; еще гораздо ранѣе, а именно въ 1147 году, новгородскіе купцы поставили свою церковь въ Кіевѣ, именно въ честь св. Михаила, называвшуюся Новгородскою божницею“ [1]). Въ городѣ Торжкѣ была сооружена, въ концѣ XIV вѣка, на купеческія средства церковь Спаса Преображенія.

Лѣтописное свѣдѣніе о братчинѣ въ Полоцкѣ, XII вѣка.

Первое лѣтописное свѣдѣніе о древне-русской церковной братчинѣ мы имѣемъ въ лѣтописи Ипатьевской, подъ 1159 годомъ. Въ этой лѣтописи, при описаніи борьбы,

[1]) См. П. С. Р. Л., т. I. Въ Лаврент. лѣт. под. 1147 годомъ (стр. 133) сказано: „И повелѣ Лазарь взяти Игоря (убитаго) и понести и въ церковь святаго Михаила, въ Новгородьскую божницю, и ту положивша и въ гробъ, ѣхаста на Гору; и лежа нощь ту“.

которую вели между собою Полоцкіе князья Ростиславъ и Рогвольдъ, упоминается о томъ, какъ Полочане принимавшіе въ то время сторону Рогвольда, съ цѣлью избавиться отъ Ростислава, старались заманить его къ себѣ на братчину, которая справляла свой праздникъ въ городѣ Полоцкѣ при „старой“ церкви Пресвятой Богородицы, на Петровъ день, и тутъ, во время пиршества думали овладѣть Ростиславомъ, полагая, что князь пріѣдетъ къ нимъ на праздникъ безъ оружія. Но Ростиславъ, провѣдавъ о замыслахъ Полочанъ, явился къ нимъ въ братчину, надѣвъ подъ платье броню, и горожане, замѣтивъ оружіе на князѣ, не осмѣлились его схватить. Вотъ подлинныя слова лѣтописи, относящейся до Полоцкой братчины: „и начаша Ростислава звати льстью у братьщину къ Святой Богородицѣ къ старѣй, на Петровъ день, да ту имутъ и“.

Медовыя братства въ западной Россіи.

Указаніе Ипатьевской лѣтописи на существованіе въ сѣверо-западной Россіи, въ XII вѣкѣ, братчинъ, занесенное въ лѣтопись, конечно, мимоходомъ, какъ о совершенно обыденномъ явленіи, служитъ лучшимъ доказательствомъ той тѣсной связи, которая существовала въ церковныхъ дѣлахъ между православнымъ русскимъ востокомъ и западомъ. И дѣйствительно позднѣйшія историческія данныя, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ, что въ западной Руси, какъ и въ восточной, повсемѣстно при храмахъ существовали церковные союзы прихожанъ, извѣстные подъ именемъ „медовыхъ братствъ“. Эти медовыя братства, по древне-русскому обычаю приготовляли, къ опредѣленнымъ праздникамъ („урочистымъ святамъ“) большую свѣчу, пѣли молебенъ и устраивали складочные пиры, варили пиво, сытили медъ, а воскъ отдавали на свѣчи и на церковныя потребности. О стародавности благочестиваго обычая сыченія прихожанами меда съ цѣлью доставленія приходской церкви средствъ на удовлетвореніе церковно-хозяйственныхъ нуждъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, епископъ Пинскій и Туровскій Вассіанъ, жившій въ XVI вѣкѣ. Употребленіе этихъ доходовъ на нужды церкви въ большинствѣ случаевъ служило для литовско-польскихъ королей поводомъ къ освобожденію прихожанъ, посредствомъ особыхъ грамотъ, отъ уплаты капщизны за это медовареніе и пивовареніе. О медовыхъ брат-

ствахъ, существовавшихъ при церквахъ въ западной Россіи, упоминаютъ многіе древніе акты.

Богадѣльни, больницы и школы при церквахъ.

Несомнѣнно, при церквахъ основывались по древнему обычаю разныя благотворительныя учрежденія, какъ о томъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ запись Луцкаго и Владимірскаго князя Любарта Гедеминовича, совершенная 8 декабря 1322 года въ пользу соборной церкви св. Іоанна Богослова въ городѣ Луцкѣ; запись земельнаго имущества сдѣлана „на потребу“ церкви, въ пользу причта, и на устройство богадѣльни для нищихъ, больницъ и странноприимныхъ домовъ. Изъ эпохи позднѣйшей имѣется цѣнное свидѣтельство о томъ, что при церквахъ учреждались школы. Такъ, одинъ протестантскій писатель Павелъ Одербонъ, бывшій пасторомъ въ Ковнѣ, входившій въ собесѣдованія съ русскими священниками и посѣщавшій Вильну, въ своемъ сочиненіи, писанномъ въ 1581 году, сообщаетъ: „русскіе всегда имѣютъ при церквахъ школы; здѣсь тридцатилѣтній юноша обучаетъ дѣтей первымъ началамъ грамоты; алфавитъ ихъ весьма похожъ на древній греческій. Катихизиса не преподаютъ никакого, а предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресвятой Дѣвѣ и св. Николаю, написанныя въ книгахъ; впрочемъ изучаютъ апостольскій символъ, нѣсколько измѣненный. Затѣмъ слѣдуютъ псалмы Давида, которые они употребляютъ и днемъ и ночью“ [1]).

Выборъ міранами западной Россіи епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ причта, а также церковнаго старосты.

Міряне западной Россіи пользовались еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели міряне восточной Россіи, своимъ правомъ выбора епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ причта, такъ равно и правомъ распоряженія церковнымъ имуществомъ; они считали своей первой обязан-

---

[1]) Тотъ-же авторъ сообщаетъ, что въ Полоцкѣ и Вильнѣ съ особеннымъ великолѣпіемъ совершалось богослуженіе (см. Филар. Ист. рус. церкви; 1851 г., ч. 3, стр. 205) Нарбутъ въ своей ист. лит. (Dz. star. nar. Lit. т. IX, стр. 480) утверждаетъ, что „szkoly publiczne byli za zwyczaj przy Kosciolach, cerkwiach Ruskich, albo przy klasztornych zakladach“.

См. о русскихъ школахъ при церквахъ и монастыряхъ у Ярошевича „Obr. Lit, т. II, стр. 40. Въ томѣ I того-же сочиненія, на стр. 153, говорится: Miçdzy Rusinami litewskiémi czynienie legatów na cerkwie w rzeczach ruchomych od wieków mogło byé we zwyczaju; tym sposobem pomnazali siç cerkiewne aparaty, naczynia, obrazy i ksiçgi, lecz majątki nieruchome dopiéro Zygmunt I, r. 1506 cerkwiom zapisywac dozwolił“. (Ссылка на Czacki, II, p. 63).

ностью защищать предъ правительствомъ неприкосновенность православной вѣры, правъ и вольностей своей церкви, и въ этой защитѣ принимали участіе, не только высшее служилое сословіе, дворяне, но и мѣщане и даже черные люди [1]). Если въ сельскихъ приходахъ со времени отобранія земель (въ XV вѣкѣ) въ пользу короля, служилаго сословія и высшаго духовенства и постепеннаго разрушенія сельской общины, право выбора членовъ причта и право распоряженія дѣлами церковнаго благоустройства, а также церковнымъ имуществомъ, перешло къ владѣльцамъ, въ качествѣ патроновъ церкви, то въ городскихъ приходахъ, не расположенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, это право по прежнему оставалось за прихожанами.

Здѣсь умѣстно будетъ напомнить, что западно-русскія городскія общины, особенно на югѣ (въ степной Украинѣ), гдѣ помѣстья земянъ и высшаго сословія были весьма рѣдки, долгое время сохраняли за собой, какъ общинную поземельную собственность, расположенную въ иныхъ мѣстахъ на довольно обширномъ пространствѣ вокругъ города, такъ и свои старинныя общинныя права-самосуда и самоуправленія,—которыя литовско-польскіе короли старались, какъ увидимъ ниже, поддержать путемъ введенія Магдебургскаго городскаго устройства [2]).

Такая самостоятельность городовъ и нѣкоторая независимость жителей—мѣщанъ отъ намѣстнической или старостинской административно-судебной власти, способствовали удержанію въ рукахъ мѣщанъ самоуправленія въ дѣлахъ церковно-приходскихъ. Литовскіе государи Владиславъ III, Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ Старый, въ своихъ грамотахъ всему русскому духовенству и народу торжественно подтверждали гражданскую свободу русскихъ, вмѣстѣ съ свободою совѣсти. Такъ, въ грамотѣ отъ 1499 года великій князь Александръ заявлялъ, что всѣ доходы и имущества церковные, всѣ справы и суды духовные онъ бу-

[1]) См. для примѣра челобитную русскихъ князей къ патріарху о благословеніи на Кіевскую митрополію избраннаго ими Полотскаго архіепископа Іоны, въ 1488 году. Вѣстн. Запад. Россіи, 1868 г., кн. II, от. I.

[2]) О городскихъ общинахъ въ западномъ краѣ, см. стат. В. Б. Антоновича, „Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края“, въ монографіяхъ по истор. зап. и юго-зап. Россіи, Кіевъ, т. I, стр. 135—194.

детъ защищать отъ посягательствъ своихъ чиновниковъ, что всѣ церковныя дѣла разрѣшается производить „подлѣ обычае“ православной церкви, „по давному“, на основаніи „свитка Ярославля“. Подъ защитой этихъ грамотъ, русскіе православные мѣщане, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, избирали священниковъ, дьяконовъ, уставниковъ и пономарей, ежегодно провѣряли и описывали совмѣстно съ духовенствомъ, церковное имущество („скарбъ церковный“), а по смерти священника забирали ключи отъ церкви и хранили ихъ пока новый священникъ, по рукоположеніи, не являлся въ церковь для служенія. Если въ Вильнѣ, Полоцкѣ и, быть можетъ, въ другихъ сѣверо-западныхъ городахъ, должность церковнаго старосты совмѣщалась въ лицѣ бургомистра и его помощниковъ (радцевъ и лавниковъ), то въ средней полосѣ, какъ напримѣръ въ старомъ Берестьѣ (Брестѣ), право распоряженія церковнымъ имуществомъ принадлежало цѣлому приходу, который дѣйствовалъ чрезъ церковнаго старосту („starosta cerkwie“); староста и прихожане, совмѣстно съ причтомъ, распоряжались церковными землями, отдавали ихъ въ аренду, дѣлали замѣны однихъ земель на другія, словомъ, дѣйствовали на правахъ полныхъ хозяевъ.

Весьма понятно, что правильно организованныя церковныя братства, съ нарочито составленными уставами, легче и скорѣе всего могли появиться на почвѣ большихъ городовъ, коими въ эпоху XV вѣка были Вильна и Львовъ. Прежде чѣмъ перейти къ историческому очерку древнихъ Виленскихъ церковныхъ братствъ, бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое города Вильны и на бытъ ея горожанъ.

Прошлое города Вильны.

Мѣстность, гдѣ лежитъ городъ Вильна, стала заселяться еще въ XII и въ особенности въ XIII вѣкѣ, когда литовцы, тѣснимые въ своихъ первоначальныхъ поселеніяхъ (въ сѣверо-восточной Пруссіи и Курляндской губерніи) нѣмецкими рыцарями, толпами устремились въ нынѣшнюю Ковенскую, а затѣмъ Виленскую губерніи. Вмѣстѣ съ литовцами здѣсь селились и русскіе, ища въ непроходимыхъ и дремучихъ тогда лѣсахъ Литвы, защиты отъ полчищъ Батыя; они селились по обоимъ берегамъ рѣки Виліи [1]), отъ имени ко-

[1]) Вѣрнѣе—„Велея“, „Велья рѣка“; см. замѣтку въ Вилен. Арх. Сб.

торой получило названіе и новое поселеніе. Значеніе Вильны, какъ главнаго города, начинается со времени княженія Гедимина, основавшаго здѣсь свою столицу. Русскіе переселенцы, вмѣстѣ съ своими познаніями въ ремеслахъ и духомъ торговой предпріимчивости, принесли въ край и христіанскую вѣру, которую однако насильно не навязывали литовцамъ-язычникамъ и мирно проживали рядомъ съ ними. Древнѣйшіе православные храмы въ городѣ были построены въ XIV вѣкѣ. Супруга великаго князя Ольгерда Марія Витебская построила (умерла—около 1346 года), по образцу кіево-новгородскихъ храмовъ каменную церковь св. Параскевы, называвшуюся въ народѣ Пятницкой; церковь эта расположена была на мѣстѣ бывшаго языческаго капища и сдѣлалась придворною. Затѣмъ, въ то-же правленіе Ольгерда, при содѣйствіи его второй супруги, княжны Тверской Іуліаніи, была устроена на мѣстѣ мученической кончины св. Іоанна, Антонія и Евстафія церковь св. Троицы. Мученики эти были погребены при церкви Николаевской, построенной, быть можетъ, еще при Гедиминѣ, въ честь святителя Николая, почитавшагося покровителемъ Литвы вплоть до конца XV вѣка. Во второй половинѣ того же XIV столѣтія великимъ княземъ Ольгердомъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ его благочестивой супруги Іуліаніи, „защитницы христіанъ русской вѣры“, возведенъ былъ въ центрѣ русскаго поселенія, недалеко отъ великокняжескаго дворца, Пречистенскій соборъ, освященный, по преданію, митрополитомъ Московскимъ Алексіемъ, пребывавшимъ временно въ городѣ Вильнѣ. Къ тому же вѣку относятъ постройку церкви въ честь пророка Иліи. Существованіе православныхъ церквей въ такую отдаленную эпоху указываетъ на преобладаніе въ городѣ русскихъ, гдѣ они дѣйствительно составляли значительную часть населенія и преимущественно держали торговлю въ своихъ рукахъ [1]). Въ XIV вѣкѣ,

---

т. VII, стр. 9, примѣч. 23. См. о началѣ Вильны въ „Очер. ист. г. Вильны“ въ 5 и 6 вып. Памят. стар. зап. губ. Батюшкова. Быть можетъ названіе „Вильны“ литовское; вильно—по литовски „волна“. См. статью „Значеніе нѣкот. именъ Литов. князей и названій мѣстностей Литвы въ Ж. М. Н. П., 1850 г., т. 66.

[1]) Вильна, по отзыву уніата Стебельскаго, въ XVI вѣкѣ была „столицей и гнѣздомъ православія“ (см. Христ. Чт. 1851, Прав. и рус. нар. въ Лит-

въ Вильнѣ было два русскихъ гостинныхъ двора, обращавшихъ вниманіе своимъ богатствомъ и разнообразіемъ товаровъ. Вильна считалась долгое время самымъ промышленнымъ и торговымъ городомъ на востокѣ Европы; она вела торговыя сношенія съ Московскою Русью, Крымомъ, Константинополемъ, Пруссіей и Венгріей, а ея склады богатыхъ и разнообразныхъ мѣховъ почитались лучшими въ Европѣ; сюда наѣзжали купцы изъ Венеціи, Англіи, Голландіи и Германіи, торговавшіе шелковыми тканями и сукнами. Русское купечество, занимавшееся торговлею мѣхами, построило близъ ратуши великолѣпный скорняжій домъ, и только здѣсь могла производиться торговля „косматыми“ товарами, какъ тогда назывались мѣха. Это благосостояніе русскихъ купцовъ и мѣщанъ-ремесленниковъ благопріятно отразилось также и на церковно-устроительныхъ дѣлахъ мѣстныхъ православныхъ храмовъ [1]).

Церковное братство „кушнерское“, въ XV вѣкѣ.

Въ срединѣ XV вѣка (приблизительно около 1458 года) въ городѣ Вильнѣ образовалось церковное братство „кушнерское“ (скорняковъ), которое къ тремъ праздникамъ въ году, именно св. Духа, св. Николая и Рождества Христова, покупало въ складчину медъ, сытило его и затѣмъ распивало на братскомъ собраніи; въ эти же праздничные дни братство раздавало восковыя свѣчи по церквамъ. Въ про-

---

вѣ“, іюнь, стр. 470, 472.) Народонаселеніе Вильны, несмотря на различіе въ вѣроисповѣданіяхъ, въ домашней и общественной жизни преимущественно употребляло языкъ русскій. См. Васильевскаго. „очер. ист. г. Вильны“, въ Памят. стар. зап. губ. Батюшкова, вып. VI, глав. 6. стр. 1.

[1]) См. Акты изд. Вилен. Ком. для разб. др. акт., т. XX. Акты, касающіеся гор. Вильны; въ предисловіи помѣщены многія любопытныя подробности, относящіяся до исторіи и быта древней Вильны.

Можно полагать, что духовенство православное, не только высшее, но и низшее, вело также безбѣдную жизнь. См. въ этомъ отношеніи любопытное духовное завѣщаніе („духовницу“) начала XVI вѣка священника Виленской Юрьевской церкви Матеея; изъ этого завѣщанія усматривается, что онъ обладалъ довольно значительнымъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, какъ-то: домомъ, серебромъ, мѣхами, коврами, лошадьми; у него оказались и капиталы, а также библіотека (Вилен. Арх. Сб., т. VI, стр. 12).

„Въ полоцкой землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, приходское духовенство едва ли не лучше было обезпечено, чѣмъ въ другихъ краяхъ Руси“; замѣчаніе И. Бѣляева въ его ст. „Полоцкая православная церковь до Брестской уніи“ въ Православн. Обозрѣніи, январь и февраль 1870 года.

долженіи 80 лѣтъ оно, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны духовныхъ и гражданскихъ властей, настолько окрѣпло и размножилось, что создало уставъ и построило на Конской улицѣ особый домъ для братскихъ собраній. Въ 1538 году уполномоченные отъ всего братства, представляя за братскою печатью свой уставъ, били челомъ королю Польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду I съ просьбою дать имъ грамоту на подтвержденіе ихъ братства и устава, выработаннаго на основаніи ихъ давнихъ обычаевъ. Король удовлетворилъ ихъ челобитье и выдалъ 31 декабря 1538 года за собственноручною подписью и печатью уставную грамоту.

Выработанныя братствомъ правила сводились къ нижеслѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1., братчики (старшіе и младшіе) выбирали ежегодно изъ своей среды старостъ, которымъ отдавали въ завѣдываніе всѣ братскія деньги, все имущество и поручали всѣ братскія дѣла;

2., въ концѣ года старосты обязаны были представить братству отчетъ;

3., въ помощь старостамъ выбирались ключники для братскихъ послугъ („къ послузѣ братской“);

4., надзоръ за порядкомъ, тишиной и благочиніемъ въ домѣ братскомъ, во время собраній, былъ возложенъ на старостъ и ключниковъ, причемъ имъ было предоставлено право дѣлать замѣчанія всѣмъ нарушающимъ эти порядки [1]);

5., братство имѣло право, если эти замѣчанія не подѣйствовали, наказать упорствующихъ („чимъ братья обложать“), а также и всѣхъ тѣхъ, которые нанесли старостамъ и ключникамъ какую либо обиду словомъ, или дѣйствіемъ;

6., суду братскому подлежали также и сами старосты, если бы они стали противодѣйствовать братству [2]), а также ключники въ случаѣ непослушанія старостамъ;

7., лицо, получившее въ домѣ братскомъ во время собраній какую либо обиду словомъ или дѣйствіемъ, могло

---

[1]) Какъ сказано въ уставѣ: что-бы „словъ сбытныхъ межи собою не молвили, и на столъ не возлегали, и меду ихъ братскаго не розливали“.

[2]) „Естли бы староста въ томъ братствѣ передъ братьею который выступъ учинилъ“.

свою жалобу принести старостамъ, которые на другой день должны были эту жалобу представить на обсужденіе всѣхъ братчиковъ; послѣдніе разрѣшали это дѣло на общемъ собраніи „судовнымъ обычаемъ“, и на виновныхъ налагали наказанія (пени денежныя или воскомъ, а въ крайнихъ случаяхъ—исключеніе изъ братства); при этомъ въ уставѣ было выражено запрещеніе искать, помимо братскаго суда, иного суда, будь то судъ свѣтскій, или духовный (римскаго или греческаго вѣроисповѣданія), ибо, прибавлялось въ уставѣ, всѣ такія дѣла, по стародавнему обычаю, разбирались всегда братскимъ судомъ;

8., въ частности въ уставѣ запрещалось и лицамъ духовнымъ римской или греческой вѣры, какъ состоявшимъ членами братства, такъ равно приглашеннымъ на собранія въ качествѣ гостей, или же вписавшимся только на тотъ день, когда бывало собраніе — искать въ поименованныхъ дѣлахъ, помимо братскаго суда, разбора у бискупа, или митрополита, а также у ихъ намѣстниковъ;

9., далѣе, запрещалось шляхтичу, дворянину или иному „обчыму“ человѣку, вписавшемуся („вкупившемуся“) на тотъ день, когда у братства справлялся праздникъ и было пированіе, или же приглашенному въ качествѣ гостя („ради чести“) разбирать мѣстомъ, а гдѣ приведетъ случай тамъ, по указанію старосты, и надлежало ему занять мѣсто: также точно запрещалось такимъ панамъ входить въ братскую свѣтлицу съ оружіемъ и въ сопровожденіи слугъ.

Наконецъ, въ заключеніе шли слѣдующія постановленія:

10., вписанному братчику предписывалось въ случаѣ перехода въ другое братство сообщать объ этомъ старостамъ и братству, которое потомъ и исключало его имя изъ списка;

11., въ случаѣ смерти братчика братство должно было выдавать для его погребенія бархатъ, свѣчи и провожать его тѣло;

12., бургомистрамъ и радцамъ Виленскимъ, вѣроисповѣданія римскаго и греческаго, указывалось не отбирать у братства его вписныхъ членовъ и не записывать ихъ въ составъ другихъ братствъ („до своихъ братствъ на послугу себѣ брати“) и тѣмъ наносить вредъ кушнерскому братству[1]).

---

[1]) Соловьевъ въ стат. „Братчины“ (Рус. Бесѣд. 1856 г. кн. IV), ссы-

Этотъ документъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ; такъ, онъ свидѣтельствуетъ что въ началѣ XVI вѣка, а можетъ быть и ранѣе, въ Вильнѣ существовали другія церковныя братства, что въ братствѣ кушнерскомъ были весьма развиты древнія русскія общинныя начала, нашедшія себѣ выраженіе въ равноправности всѣхъ его членовъ, въ самоуправленіи съ устраненіемъ произвола и нерадѣнія, въ подробно составленныхъ правилахъ собственнаго суда, ревниво въ уставѣ оберегаемаго. Особенно обращаетъ на себя вниманіе постановленіе о допущеніи на братскія собранія, и даже въ составъ братства, католиковъ, а также духовныхъ особъ римской церкви. Это постановленіе указываетъ, что до уніи православныя братства, возникавшія съ цѣлями церковно-устроительными, вовсе не вводили въ программу своей дѣятельности задачъ открытой борьбы съ католицизмомъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что вѣротерпимость до уніи простиралась до такой степени, что православные священники часто приглашались въ католическія семейства для крещенія дѣтей, для погребенія умершихъ и для совершенія другихъ церковныхъ требъ, на что въ 1579 году луцкое католическое духовенство жаловалось даже королю. Всѣ эти проявленія вѣротерпимости указываютъ, что нѣкогда въ западной Россіи между православной и римской церквами существовала настоящая унія, которая могла, съ Божьей помощью, укрѣпляться и быть можетъ со временемъ привести эти церкви къ соединенію, но дѣло это было разрушено рукой чуждой и враждебной русскому народу [1]).

Церковное братство дома „Пречистой Богородицы въ XVI вѣкѣ.

Существованіе въ Вильнѣ, въ началѣ XVI вѣка, другихъ церковныхъ братствъ подтверждается также иными документами. Такъ, изъ грамоты Литовскаго митрополита Іосифа, отъ 20 сентября 1509 года, видно, что тогда существовало православное братство „дома Пречистой Богома-

---

лаясь на уставъ кушнерскаго братства, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „здѣсь братство сохраняетъ общій характеръ братчины, съ какимъ видимъ ее повсемѣстно въ Россіи, характеръ пира въ складчину, хотя мы здѣсь и видимъ, что братство имѣетъ своею цѣлью дѣла благочестія и милосердія, однако деньги, употребляемыя на церковное строеніе и милостыню, выручаются за медъ, выпиваемый на братскихъ пирахъ.

[1]) См. любопытное признаніе Нарбута въ его Ист. Литвы (Dz. star. nar. Lit.) т. IX стр. 467: „W Litwie duch tolerancyi panowal od wiekow.“

тери", которому Константинопольскій прислалъ патріархъ подвижный антиминсъ для его церкви. Вѣроятно въ составъ братства входили многіе торговцы, ибо митрополитъ своей грамотой разрѣшалъ священникамъ свободно отправлять богослуженіе на этомъ антиминсѣ въ какихъ бы странахъ, польскихъ, нѣмецкихъ, или иныхъ ни случилось быть членамъ братства. Горожане Виленскіе и Львовскіе отличались въ ту эпоху достаточнымъ образованіемъ, многіе изъ нихъ отправлялись за границу по торговымъ дѣламъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, ѣздившіе на востокъ, посѣщали въ Константинополѣ патріарха, которому сообщали о церковныхъ дѣлахъ Литвы и Галичины, обращались къ нему съ просьбами по поводу своихъ церковныхъ нуждъ и затрудненій и просьбы эти по возможности, какъ мы видимъ, патріархомъ удовлетворялись. Упомянутое братство было вполнѣ церковнымъ и благотворительнымъ и существовало при Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ; оно установило свои трехдневные праздники шесть разъ въ году, и имѣло свой братскій домъ, находившійся на Савичъ-улицѣ (нынѣ Бакшта) и освобожденный отъ уплаты повинностей, а при Спасской церкви свою богадѣльню, на содержаніе которой ассигновало доходы съ своихъ каменныхъ бань на рѣкѣ Вилейкѣ и съ домовъ, расположенныхъ, какъ по сосѣдству бань, такъ и на Савичъ-улицѣ. По мнѣнію митрополита Макарія [1]), въ составъ этого братства входили Виленскіе бургомистры, радцы, лавники греческаго закона, то есть всѣ православныя власти города, и оно, впослѣдствіи, называлось также „мѣстскимъ" (городскимъ) и „панскимъ".

Церковное братство „купецкое-кожемяцкое" въ XVI вѣкѣ

Въ началѣ XVI вѣка (если не прежде, какъ замѣчаетъ митрополитъ Макарій) образовалось еще въ городѣ Вильнѣ братство „купецкое-кожемяцкое" [2]). Оно имѣло грамоты короля Сигизмунда I, а цѣли его и устройство были одинакія съ прочими братствами въ городѣ, то есть оно обязывалось „радѣть о потребностяхъ церквей Божіихъ и о

---

[1]) Ист. рус. цер., т, IX, стр. 179, 227, 229, а также Собр. древ. грам. и акт. гор. Вильны, Ковны, Трокъ 1843 г., ч. II, № 1, грам. кор. Стефана отн. 1582 г., а также № 2.

[2]) Кожемяки-кожевники, выдѣлывающіе сыромять.

гошпиталяхъ [1]); въ избранные праздничные дни, по своимъ стародавнимъ обычаямъ („водлѣ давныхъ звычаевъ своихъ“) оно устраивало въ складчину трехдневные медовые пиры (восемь разъ въ году); невыпитый медъ оно продавало безпошлинно и доходы обращало на дѣла церковныя (на слуги церковные) и благотворительныя (вспоможенье бѣднымъ и пособіе госпиталю), а воскъ шелъ на церковныя свѣчи. Братство имѣло свой домъ на Старичѣ-улицѣ, освобожденный также отъ городскихъ повинностей и постоя, и братскій уставъ былъ совершенно сходенъ съ уставомъ кушнерскаго братства; въ немъ находимъ тѣ же правила о самоуправленіи и собственномъ судѣ, а также правила о вѣротерпимости, допускавшей въ составѣ братства католиковъ, и широкомъ гостепріимствѣ [2]).

---

[1]) „О потребахъ церковныхъ и шпиталныхъ“ см. приведенную выше грамоту № 2.

[2]) И. Д. Бѣляевъ, въ ст. „Полоцкая православная церковь до Брестской уніи“ (журн. Правосл. Обозр. янв.-февр. 1870 года) „сравнивая уставы литовскихъ братствъ съ устройствомъ братчинъ, дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: „сравненіе устава виленскаго братства (А. З. Р. т. III, № 131) съ уставомъ братчинъ въ судной псковской грамотѣ и съ грамотами московскими о томъ же предметѣ и съ другими узаконеніями сѣверовосточной Руси, прямо свидѣтельствуетъ, что братчина и братство выражаютъ одно и то же учрежденіе. Какъ по виленскому уставу братство выбирало годовыхъ старостъ и судей, также точно по псковской судной грамотѣ и по другимъ узаконеніямъ братчина выбирала своихъ старостъ или судей, и даже пироваго князя; какъ по виленскому уставу всѣ дѣла, возникшія во время братскаго пира, рѣшались братскимъ судомъ и никто изъ участниковъ и гостей не имѣлъ права отговариваться отъ братскаго суда и переносить дѣло въ иной судъ, точно также и по псковской грамотѣ братчина имѣла свой судъ и участники братчины не имѣли права отказываться отъ братчиннаго суда и жаловаться къ другому судьѣ, а по нѣкоторымъ московскимъ грамотамъ даже убійство во время братчины рѣшалось братчиннымъ судомъ. Какъ по виленскому уставу поводомъ къ первоначальному учрежденію братствъ были братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники въ году, точно также поводомъ къ учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники въ году, точно также поводомъ къ учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники, почему они и назывались именемъ церковнаго праздника-никольщина, петровщина, михайловщина и т. под.—Какъ по виленскому уставу въ братскомъ пиру могли участвовать и сами братчики, вписавшіеся въ братство, и гости

Церковное братство „роское“ и другія братства въ г. Вильнѣ, въ XVI вѣкѣ.

Для полноты свѣдѣній о числѣ и устройствѣ всѣхъ извѣстныхъ по актамъ церковныхъ православныхъ братствъ въ Литвѣ и въ частности въ городѣ Вильнѣ, которыхъ введеніе уніи застало уже вполнѣ организованными, необходимо коснуться и тѣхъ братствъ, которыя возникли въ самомъ концѣ XVI вѣка, какъ въ городѣ Вильнѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Литвы, а также и тѣхъ правительственныхъ распоряженій, которыя относились до прежнихъ, а равно и до нововозникшихъ братствъ. Такъ, въ царствованіе короля Стефана Баторія, панское, купецкое-кожемяцкое и кушнерское братства испросили себѣ подтвердительныя грамоты, а въ 1582 году въ предмѣстьи города Вильны-Росѣ учредилось новое православное братство при церкви Пречистыя Богородицы, состоявшее изъ шапошниковъ, сермяжниковъ и ноговичниковъ (чулочниковъ). Оно по типу хотя и принадлежало также къ медовымъ братствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляло и цехъ, а потому въ уставѣ своемъ болѣе чѣмъ другія братства отвело мѣсто цеховымъ правиламъ; это братство имѣло также свой домъ на предмѣстьѣ Росѣ, сытило, по примѣру прочихъ братствъ, медъ къ четыремъ праздникамъ въ году, именно къ Юрію вешнему, къ св. Іоанну, къ Нароженью Пречистой и къ Громницамъ (къ Срѣтенью), помогало бѣднымъ (давало на шпиталь) и принимало на свой счетъ ихъ похороны.

Касаясь церковной жизни г. Вильны конца XVI вѣка

приглашенные братчиками, точно также и въ другихъ краяхъ Руси въ братчинномъ пирѣ участвовали, какъ вложившіеся въ братчину, такъ и сторонніе гости, напримѣръ въ сельскихъ братчинахъ, сосѣди по селамъ, что частію соблюдалось даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ разныхъ углахъ старой русской земли. Это были учрежденія, общія всей русской землѣ, указывающія на тѣсную связь прихода со своею церковью.

Преосв. Филаретъ въ Ист. рус. церкви (изд. 2, 1851 г., ч. 3, стр. 29) говоритъ: „братства юга, какъ и строители церквей или монастырей, имѣли участіе въ правленіи церковномъ, именно-попечительное о зданіяхъ, содержаніи духовенства и бѣдныхъ и право голоса при назначеніи настоятелей и священниковъ“. Историкъ Соловьевъ, въ стат. „Братчины“ (Рус. Бесѣд. 1856 г., кн. IV) замѣчаетъ: „братчина Восточной Россіи и братство Западной въ началѣ было одно и тоже учрежденіе, которое въ разныхъ мѣстахъ имѣло разныя степени развитія: въ областяхъ собственно Московскаго государства—наименьшую, въ Псковѣ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Новгородѣ,—большую, а въ западной Россіи—наибольшую.

надлежитъ въ видѣ предположенія высказать, что по всѣмъ вѣроятіямъ, при большинствѣ православныхъ церквей города существовали церковныя братства, какъ въ томъ убѣждаютъ новѣйшія розысканія въ обильномъ древними актами Виленскомъ центральномъ архивѣ. Такъ оказывается, что при Покровской церкви, на церковной землѣ, былъ въ то время домъ, принадлежавшій ремесленникамъ портнымъ, а при церкви Петропавловской, на Зарѣчьи, о которой акты упоминаютъ въ XVI вѣкѣ, былъ госпиталь; въ концѣ того же вѣка, именно въ 1594 году въ актахъ упоминается, что при церкви подъ названіемъ Пятницкой, на Великой улицѣ (Wielkey), существовало Пятницкое братство и богадѣльня на погостѣ; объ этомъ братствѣ однако не сохранилось болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Учрежденіе въ 1584 г. въ г. Вильнѣ религіозно-просвѣтительнаго Св. Троицкаго церковнаго братства.

Въ 1584 году Стефанъ Баторій пожаловалъ грамоту Виленскимъ бургомистрамъ, радцамъ и лавникамъ православной вѣры о предоставленіи въ ихъ вѣдѣніе и управленіе древняго Троицкаго монастыря со всѣми принадлежавшими къ нему имѣніями, угодьями и доходами, причемъ доходы эти предназначались на нужды монастыря, а также на построеніе школъ и на содержаніе учителей и учениковъ. Монастырь этотъ въ то время находился въ завѣдываніи и управленіи митрополита Онисифора и потому король дозволялъ виленскимъ мѣщанамъ воспользоваться его грамотой лишь по кончинѣ митрополита, который, какъ извѣстно, лишенъ былъ въ 1588 году патріархомъ Іереміей своего сана. Уступка Троицкаго монастыря виленцамъ и обязательства, принятыя ими по этому случаю на себя, является весьма важнымъ актомъ для нашихъ сѣверо-западныхъ церковныхъ братствъ; вышеприведенная грамота указываетъ, какъ зарождалось въ то время въ Вильнѣ новое братство, которое сплотило воедино силы болѣе стойкихъ въ вѣрѣ православныхъ гражданъ, задавшихся широкими просвѣтительными цѣлями, которыхъ прежнія братства не вводили въ такой степени въ кругъ принятыхъ на себя обязанностей. Такъ возникло въ 1584 году религіозно-просвѣтительное церковное братство сначала при Свято-Троицкомъ монастырѣ, а затѣмъ, по отнятіи его уніатами, при Свято-Духовскомъ монастырѣ, построенномъ въ концѣ XVI вѣка этимъ братствомъ. Это братство, какъ извѣстно,

пользовалось въ XVII вѣкѣ громаднымъ вліяніемъ въ дѣлахъ западно-русской церкви на Литвѣ и прославилось на вѣчныя времена своей защитой, православія и русской народности отъ страшныхъ гоненій католиковъ и уніатовъ, а также религіозно-просвѣтительной дѣятельностью на пользу православной церкви.

Кромѣ находившихся въ городѣ Вильнѣ церковныхъ братствъ документы сообщаютъ о такихъ же учрежденіяхъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Литвы, обнаружившихъ свое существованіе въ царствованіе Стефана Баторія.

Церковныя братства въ другихъ мѣстахъ Литвы.

Изъ наказной королевской грамоты Мстиславскимъ старостамъ отъ 20 Января 1579 года видно, что ею дозволялось тамошнему мѣщанскому братству, по старинному обычаю („зъ давнихъ часовъ“) производить свободно на св. Троицу и въ дни Миколины „медовые склады“, съ обращеніемъ дохода съ нихъ въ пользу церкви [1]). Сохранились свѣдѣнія, что въ древне-русскомъ мѣстечкѣ Куренецъ (Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда), гдѣ уже въ 1355 году была православная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, въ 1576 году существовало при этой древней церкви церковное братство „св. Пречистое Куренецкое“, земельное имущество котораго писарь великаго княжества Литовскаго Гавріилъ Война записью 1576 года старался оградить отъ всякой кривды не только со стороны арендаторовъ, но и со стороны своихъ наслѣдниковъ. При церкви Спасской въ томъ же мѣстечкѣ Куренецъ жилъ въ указанное время баккалавръ (боколяръ) и слѣдовательно существовала школа, гдѣ производилось обученіе мѣстныхъ дѣтей. Изъ грамоты королевской отъ 3 марта 1585 года Полоцкому архіепископу Ѳеофану узнаемъ, что король Стефанъ Баторій постановилъ изъять изъ его завѣдыванія Могилевскій Спасскій монастырь и предоставить его въ вѣдѣніе

[1]) Мстиславль—старый русскій городъ, построенный въ 1180 году Смоленскимъ княземъ Романомъ и названъ по имени сына его Мстислава, которому онъ былъ назначенъ въ удѣлъ. Позднѣйшіе князья Мстиславскіе, потомки Ольгерда, будучи православными, жертвовали большія имѣнія и угодья въ пользу мѣстнаго Онуфріевскаго монастыря и церкви св. Троицы, построенной въ 1463 году княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Мстиславскимъ, и факты эти свидѣтельствуютъ о крѣпости православія въ этомъ округѣ.

граждаюъ города Могилева. Это распоряженіе было затѣмъ подтверждено въ 1588 году Сигизмундомъ III [1]). Могилевскіе горожане, получивъ обратно Спасскій монастырь почти одновременно съ образованіемъ Виленскаго св. Троицкаго религіозно-просвѣтительнаго братства, учредили и въ городѣ Могилевѣ такое же братство, устроивъ при монастырѣ школу латинскаго, русскаго и польскаго языковъ. Король Стефанъ Баторій старался населить городъ Могилевъ разными ремесленниками и между прочимъ кожевниками, которые въ 1589 году въ свою очередь учредили церковное братство (кушнерское или скорнячное), по своему уставу совершенно сходное съ Виленскимъ кушнерскимъ братствомъ.

Учрежденіе въ 1463 г. въ городѣ Львовѣ Успенскаго церковнаго братства.

О существованіи въ городѣ Львовѣ церковнаго православнаго братства упоминается впервые въ лѣтописи этого братства за 1463 годъ, когда оно приняло въ свое завѣдываніе древній монастырь св. Онуфрія, возстановленный и надѣленный доходами Львовскимъ мѣщаниномъ Стефаномъ Дропаномъ. Въ Львовѣ въ то время было восемь православныхъ церквей и между ними Успенская, при которой и образовалось церковное братство, но съ точностью годъ его учрежденія не извѣстенъ, а равно и первоначальный его уставъ [2]). Главной заслугой братству въ эпоху XVI вѣка слѣдуетъ признать его старанія о возстановленіи православной епископіи въ Львовѣ, увѣнчавшіяся успѣхомъ, такъ какъ въ 1539 году король Сигизмундъ I вновь учредилъ уже болѣе 100 лѣтъ несуществовавшую въ Львовѣ и Галичинѣ православную епископскую каѳедру и епископомъ

---

[1]) См. Бѣлорус. архивъ древ. грам., 1824 г., ч. I, стр. 36 и 43. Въ первой грамотѣ (1578 г.) король Стефанъ разрѣшалъ Могилевцамъ устроить школу (et scholam christianam fundabunt et construent), а другою грамотою (1585 г.) давалась православнымъ полная свобода исповѣданія вѣры по древнимъ уставамъ ихъ церкви, по старому календарю, съ предоставленіемъ права основывать странноприимные дома и гимназіи (gimnasia).

О древности Спасскаго монастыря въ городѣ Могилевѣ, построеннаго „мѣщанскимъ коштомъ“ свидѣтельствуютъ привиллегіи, относящіяся еще къ 1447 году; православіе въ городѣ Могилевѣ было въ сказанное время еще настолько сильно, что только въ 1604 году въ этомъ городѣ былъ устроенъ первый костелъ.

[2]) См. Лѣтопись Львовскаго ставропигіальнаго братства, составленную Діонисіемъ Зубрыцкимъ, въ Жур. Мин. Нар. Просв., часть LXII, 1849 г.

назначилъ изъ Львовскаго братства Макарія Тучанскаго [1]). Изъ лѣтописи братства узнаемъ, что съ половины XVI вѣка братство особенно было занято возстановленіемъ своей древней каменной Успенской церкви, которая отъ пожаровъ и ветхости потрескалась. Братство за пособіемъ на это дѣло обращалось къ православному Молдавскому господарю Александру, который выдавалъ щедрую денежную помощь и принялъ церковь подъ свое покровительство; въ память этихъ щедротъ эта церковь стала слыть въ народѣ подъ именемъ Волосской церкви. Въ 1571 году братство постигло несчастіе; только что обновленная и украшенная церковь сгорѣла до тла и братству снова пришлось собирать средства на ея возстановленіе, причемъ на этотъ разъ оно обратилось за пособіемъ къ Московскому царю Ѳедору Іоанновичу, который выслалъ братству щедрое подаяніе, а пока оно стало строиться на свои средства. Такъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ пожара на средства члена братства польскаго дворянина Константина Корнякта окончилась постройкой величественная колокольня изъ тесанаго камня на мѣсто прежней обрушившейся и построенной тоже на средства одного изъ братчиковъ, именно старшаго братчика Давида Ѳомы [2]).

Другія церковныя братства въ г. Львовѣ и въ Галичинѣ въ XVI вѣкѣ.

Выдающееся значеніе въ краѣ Львовскаго Успенскаго братства не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на церковно-приходской жизни, какъ въ самомъ Львовѣ, такъ и въ другихъ городахъ Галичины. Такъ въ 1542 году епископъ Львовскій Макарій грамотою благословилъ и утвердилъ совмѣстно съ своими крылошанами духовное или церковное братство въ городѣ Львовѣ, при церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, на Краковскомъ предмѣстьѣ. При утвержденіи этого братства обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что за благословеніемъ и утвержденіемъ его къ епископу приходилъ мѣстный священникъ вмѣстѣ со всѣми прихожанами, которые обязались, по доброй волѣ, крѣпко держаться въ братскомъ союзѣ для душевнаго своего спасенія. Въ 1544 году такое же братство учредилось въ городѣ Львовѣ при церкви Святителя Ни-

---

[1]) Лѣт., 1539 годъ.

[2]) См. Лѣтопись; 1556, 1561—66, 1572, 1580 и 1592 годы.

колая. Братчики при самомъ началѣ вносили въ братскую кружку по шести грошей [1]) и вписывали имена свои и своихъ родныхъ въ братскія книги для вѣчнаго поминовенія, потомъ ежемѣсячно уплачивали по полъ гроша. Ежегодно совершались въ братской церкви четыре заупокойныхъ литургіи и одна за здравіе и спасеніе братчиковъ. Братство принимало въ свой составъ также лицъ проживавшихъ внѣ прихода (въ томъ числѣ, какъ значится въ уставѣ Благовѣщенскаго братства, и пановъ и шляхтичей), а также и гостей на свои празднества, которые уплачивали по 2 гроша и приносили свѣчи. Братство оказывало пособіе бѣднымъ и больнымъ, а умершихъ братчиковъ всей громадой провожало до могилы. Для управленія дѣлами братство ежегодно избирало изъ среды своей двухъ старшихъ и во взаимныхъ обидахъ судилось собственнымъ судомъ.

Внѣ Львова учредилось въ Галичинѣ въ серединѣ XVI вѣка церковное братство въ городѣ Вишнѣ, какъ видно изъ грамоты отъ 18 августа 1563 года Перемышльскаго и Самборскаго епископа Антонія. Мотивы, выставленные въ уставѣ вишенскими мѣщанами и жителями предмѣстья для образованія изъ ихъ среды церковнаго братства весьма примѣчательны: они заявляли, что образовали братскій союзъ „для душевнаго избавленія и по съмерти покоя и на память вѣчную предкомъ и родителемъ ихъ“. Епископъ утвердилъ это братство съ вѣдома всего крылоса и духовенства каѳедральной церкви св. Іоанна Крестителя, причемъ въ грамотѣ указалъ: „абы (братчики) дръжали единъ съ другымъ братство сполон и другъ друга въ почтивости мѣли; вступнаго каждый плотитъ 6 грошей; сходятся у громаду въ 4 недѣли разъ“. Братчики также обязывались сопровождать тѣло умершаго сочлена и лицо, не исполнившее эту обязанность, должно было внести штрафъ, именно, 1 фунтъ воска.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка, какъ мы видимъ, по всей Литвѣ, сѣверной и южной, равно во всей Галичинѣ, православное населеніе было охвачено стремленіемъ сплачиваться въ братскіе церковные союзы, которые еще болѣе размножились во времена уніи, когда опасность для право-

[1]) Тогдашній польскій грошъ равнялся почти шести копѣйкамъ сер.

славія сдѣлалась явной. Эти союзы послужили очагами религіозно-церковнаго возрожденія для православнаго населенія всего Западнаго края. Цѣли, которымъ служили прежнія медовыя братства, а именно, церковно-устроительныя и благотворительныя, оказывались по обстоятельствамъ времени недостаточными, и на первомъ планѣ были поставлены заботы религіозно-просвѣтительныя. Какъ уже было сказано, въ городахъ Вильнѣ и Львовѣ, а также въ городѣ Могилевѣ церковныя братства почти одновременно преобразовались въ религіозно-просвѣтительные союзы и вскорѣ, по образцу Виленскаго и Львовскаго братствъ, стали возникать повсемѣстно церковно-православныя братства просвѣтительнаго характера и густою сѣтью покрыли всю западную Русь, на пространствѣ отъ города Мстиславля до самыхъ западныхъ границъ Галичины.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Настоящее историческое изысканіе направлено къ раскрытію того факта, что русскія общинныя начала, проникнувшись христіанскимъ свѣтомъ, послужили основаніемъ для повсемѣстнаго учрежденія на Руси церковныхъ братствъ, которыя получили свою крѣпкую организацію на нашемъ западѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Поэтому, встрѣчая въ исторической литературѣ довольно распространенное мнѣніе о томъ, что наши церковные союзы въ нѣкоторомъ отношеніи обязаны своимъ возникновеніемъ Магдебургскому праву, которое предоставлялось литовско-польскими государями, начиная съ конца XIV вѣка, западнорусскимъ городамъ, и, въ частности, основанному на этомъ правѣ цеховому устройству ремесленнаго населенія въ этихъ городахъ, мы должны высказать вкратцѣ соображенія, по которымъ мнѣніе это кажется намъ вполнѣ ошибочнымъ и не соотвѣтственнымъ всѣмъ тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя раскрываются при изученіи вопроса о происхожденіи нашихъ церковныхъ братствъ [1]).

Постановленія Магдебургскаго права, сосредоточившія обширную административную, судебную, полицейскую и хозяйственную власть въ выборныхъ городскихъ коллегіяхъ (магистратахъ), были по своему духу чуждыми русскимъ общиннымъ началамъ, въ силу которыхъ всѣ члены городской общины были вполнѣ равноправны въ дѣлахъ самоуправленія и самосуда, причемъ равноправность эта достигала своего высшаго проявленія и осуществленія на вѣчевой сходкѣ всѣхъ членовъ общины, являвшейся вполнѣ есте-

---

[1]) Напр. мнѣнія: І. Флерова „О прав. церк. брат." 1857 г. (стр. 16) и Васильевскаго „Очер. ист. г. Вильны, вып. VI Пам. стар. зап. губ., стр. 15.

ственно верховной инстанціей для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ дѣлъ общины и единственнымъ источникомъ всякой общинной власти, которая не могла превратиться въ произволъ привиллегированнаго правящаго сословія.

По изслѣдованію В. Б. Антоновича [1]), время пожалованія королями Магдебургскаго права городамъ западной Россіи, съ цѣлью предотвратить окончательное порабощеніе городскаго сословія военно-шляхетскимъ сословіемъ, совпадало съ временемъ упадка общиннаго строя жизни въ каждой области, и въ тѣхъ городахъ, которые раньше получали названное право (какъ напримѣръ въ городахъ Галичины, начавшихъ получать это право со второй половины XIV вѣка) этотъ строй жизни былъ болѣе подавленъ военно-административной и судебно-полицейской властью правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ въ тѣхъ городахъ, которые позднѣе получали это право. Будучи чуждымъ по духу русскому обычному праву, Магдебургское право, предоставляемое королями городскимъ общинамъ съ извѣстными ограниченіями и подчиненіемъ магистратовъ намѣстнической или старостинской власти, а также и власти частныхъ владѣльцевъ, если городъ былъ расположенъ на ихъ землѣ, никогда и не было усвоено нашими городскими общинами. Въ названномъ изслѣдованіи приводится достаточное количество примѣровъ того, какъ Магдебургское право („Speculum Saxonicum“), и въ частности, городское уложеніе, („Weichbild“) было извѣстно большинству городскихъ общинъ только по имени и вовсе не привилось, ни къ быту, ни къ юридическимъ понятіямъ русскихъ мѣщанъ. Еще менѣе соотвѣтствовало исконнымъ рускимъ понятіямъ о свободномъ занятіи ремеслами и промышленностью нѣмецкое цеховое устройство, пропикнутое насквозь духомъ монополіи, недопускающимъ никакой конкурренціи и затрудняющимъ вся-

---

[1]) „Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края“, Монографіи, т. I, стр. 135—194. „По смыслу Магдебургскаго права городомъ должны были управлять двѣ коллегіи, составлявшіяся изъ выборныхъ урядниковъ: 1., рада, предсѣдателемъ которой былъ бургомистръ, завѣдывала судомъ по гражданскимъ искамъ, городскою полиціею, городскими имуществами и надзоромъ за производствомъ торговли; 2., лавничій судъ (лавница), состоявшій изъ 12 присяжныхъ, подъ предсѣдательствомъ войта, судилъ уголовныя преступленія; ibid. стр. 171.

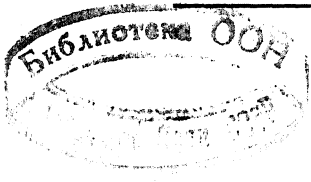
чески свѣжимъ силамъ доступъ въ цеховую корпорацію. Цеховое устройство дозволяло горожанамъ-ремесленникамъ распадаться на соотвѣтствующіе ихъ ремесламъ цехи, и каждый цехъ, соединявшій горожанъ одинаковыми интересами по ремеслу или промыслу, жилъ и дѣйствовалъ, какъ корпорація, по своимъ уставамъ, которые утверждались магистратомъ и регулировали всю внутреннюю жизнь цеха. Весьма естественно, что русскіе мѣщане, издавна привыкшіе къ общенію и единенію въ своихъ братчинахъ на совершенно иныхъ, какъ мы видѣли, началахъ, воспользовались этими новшествами, вводимыми по иниціативѣ высшаго правительства и сумѣли эти расширяющія права въ сферѣ ихъ общественной жизни перенести въ сферу церковныхъ своихъ дѣлъ и обязанностей, столь близкихъ всегда сердцу русскаго человѣка. Такимъ образомъ, введеніе литовско-польскимъ правительствомъ нѣмецкихъ порядковъ въ городскую жизнь западной Россіи повліяло на развитіе въ городахъ церковно-братскихъ союзовъ въ томъ лишь смыслѣ, что эти союзы, пользуясь такимъ направленіемъ въ политикѣ польскихъ королей, легче могли достигать признанія своихъ правъ на дальнѣйшее свободное существованіе въ государствѣ, а также свободнѣе вырабатывать свои уставы, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени и требованіямъ своей церковной жизни. Для правительства это обособленіе православнаго населенія въ церковные союзы для осуществленія цѣлей церковно-устроительныхъ, благотворительныхъ и религіозно-просвѣтительныхъ не могло казаться какимъ либо новшествомъ и чрезмѣрнымъ домогательствомъ. Вотъ почему православные, правда не безъ труда, а при господствѣ уніи даже и при помощи значительныхъ денежныхъ затратъ, однако всетаки получали отъ польскихъ королей, какъ отъ „верховныхъ подавцевъ и оборонцовъ церквей Божіихъ“ грамоты на учрежденіе и преобразованіе своихъ церковныхъ братствъ и польское правительство преслѣдовало только тѣ братства, которыя возникали безъ согласія короля. Недостаточная разработка исторіи русскихъ церковныхъ братствъ дозволяетъ, конечно, высказывать всѣ приведенныя выше соображенія только въ видѣ предположеній, а равно возможно только съ большимъ вѣроятіемъ принять и мнѣніе, что уставы русскихъ церковныхъ братствъ

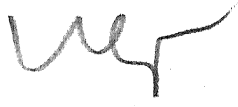
(какъ напримѣръ кушперскаго), выработанные раньше развитія церковнаго устройства въ городѣ Вильнѣ и въ другихъ городахъ Литвы, скорѣе повліяли смягчающимъ образомъ на уставы цеховые, но во всякомъ случаѣ при сравненіи этихъ уставовъ нельзя не видѣть кореннаго различія тѣхъ началъ, которыми руководились церковные союзы и цеховыя корпораціи, принимавшія также на себя церковныя и благотворительныя обязанности. Тема объ этомъ различіи весьма любопытна, но она не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Здѣсь мы можемъ сдѣлать одно общее замѣчаніе, а именно, что самоуправленіе, самосудъ, общность кассы, нѣкоторая обрядность въ проявленіи общественной жизни—все это формы, встрѣчающіяся всюду и вездѣ, у разныхъ культурныхъ народовъ, члены которыхъ организуютъ общественные кружки, объединяемые какими либо общими цѣлями и интересами; вся суть въ тѣхъ началахъ, которыя въ нихъ вложены и въ томъ, —для чего люди объединяются и какъ это объединеніе осуществляется на практикѣ. О началахъ, на которыхъ устраивались наши братчины и братства уже было говорено, цѣли же ихъ были исключительно религіозныя въ общемъ смыслѣ этого слова. Что же касается до цеховъ, то извѣстно, что эти ремесленные союзы, развившіеся въ очень раннюю эпоху (въ X вѣкѣ по Р. Х.) въ западной Европѣ и перенесенные къ намъ сначала въ западный край, образовались въ видахъ самозащиты во времена процвѣтанія феодальнаго строя, не дававшаго сословіямъ правильнаго равновѣсія по отсутствію въ государствахъ западной Европы крѣпкой верховной власти, способной поддержать это равновѣсіе. Зародившись и укрѣпившись въ городахъ съ значительнымъ ремесленнымъ населеніемъ, цехъ, какъ общественно-городская единица, быстро пріобрѣтаетъ у высшей власти, заинтересованной въ ослабленіи феодаловъ, политическія права, которыя онъ и старается закрѣпить за собою и пріумножить. Цеховыя корпораціи, сосредоточивая въ своихъ рукахъ власть въ городѣ, пользуются этой властью для созданія себѣ монополіи и привиллегій и, эксплоатируя все болѣе и болѣе чужой наемный трудъ—подмастерьевъ и учениковъ,—стараются закрыть свободный входъ въ цехъ младшимъ ремесленникамъ. Должности въ магистратѣ сосредоточи-

ваются въ рукахъ нѣсколькихъ старинныхъ ремесленныхъ родовъ, и такимъ образомъ появляется наслѣдственная цеховая аристократія, которая потомъ долгое время съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ низшими сословіями, а также и съ верховною властью. Объ экономическомъ равенствѣ членовъ цеха не могло быть и рѣчи и вся ихъ солидарность ограничивалась соблюденіемъ общихъ формальностей, да регламентаціей качества работы и вознагражденія за нее. Цеховая форма выросла на почвѣ монополіи, принужденій и привиллегій; принадлежность къ цеху составляла частное право корпорантовъ, занятіе ремеслами—ихъ монопольное право. Какая разница по началамъ съ нашими артелями. Подробности о цехахъ западной Европы см. между прочимъ у Дитятина „Уст. и упр. гор. Россіи, СПБ. 1875 г., гл. II. Цехи въ западной Европѣ.

Если искать сходства между русскими братчинами и братствами съ западно-европейскими учрежденіями, то это сходство можно найти въ духовныхъ гильдіяхъ Западной Европы, но, по замѣчанію Н. Скабалановича (Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства", Христ. Чтеніе, 1875 г., Сент. и Окт.), братства и гильдіи развивались самостоятельно и нѣтъ никакой надобности объяснять замѣчаемое сходство „взаимодѣйствіемъ".

Во всякомъ случаѣ нельзя доказать, чтобы православныя братства возникли только въ тѣхъ городахъ, гдѣ было введено Магдебургское право,—какъ справедливо замѣтилъ авторъ критическаго обзора сочиненія Флерова „О православныхъ церковныхъ братствахъ"; см. Рус. Бесѣду 1858 г., т. I (отдѣлъ критики).


Библиотека ООН



Из Собр. [illegible]
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. ЛЕНИНА